

ПЛАТОН

**МЕРА
ВСЕХ ВЕЩЕЙ**

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Платон

Мера всех вещей

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69137614

Мера всех вещей:

ISBN 978-5-17-154275-7

Аннотация

Платон Афинский – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля. Именно с Платона философия формируется как система знания.

«Человек – мера всех вещей». Или нет? Об этом спорит Сократ с философами-софистами в «Протагоре», отстаивая благость богов, но не человека и раскрывая оппонентам понятие добродетели, которая есть высшее знание.

В сборник включены также сочинения Платона «Феаг», «Менексен», «Эвтидем», «Горгиас», «Менон». Эти сократические произведения имеют форму диалогов, в которых методом вопросов и ответов проясняются проблемы воспитания и принципы образования, знания и невежества, истины и лжи, хаоса и порядка, добра и зла.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Феаг	5
Лица разговаривающие:	5
Менексен	30
Лица разговаривающие:	30
Эвтидем	67
Лица разговаривающие:	67
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Платон

Мера всех вещей

© ООО "Издательство АСТ", 2023

Феаг

Лица разговаривающие: *Димодок, Сократ, Феаг*

Дим. Мне нужно бы, Сократ, о чем-то с тобой поговорить¹, если тебе досужно. Да хотя бы ты был и занят, только не очень важным делом, – для меня постарайся удосужиться.

Сокр. Я и так-таки свободен, а для тебя-то – и очень; поэтому, если хочешь о чем-нибудь говорить, – можешь.

Дим. Так не угодно ли, сойдем с дороги, – туда, в портик Зевса Элевферия²?

Сокр. Пожалуй, если тебе кажется.

¹ *О чем-то с тобой поговорить*, ἄττα σοὶ ἰδιολογῆσαι. Самое начало греческой речи в «Феаге» показывает, что этот диалог написан далеко после времен Платона, потому что глагола ἰδιολογεῖσθαι напрасно стали бы мы искать у писателей древнейшей Греции. В какое время вошло в употребление это слово, показывает *Свицер*, Thesaur. Eccles. T. I, p. 1134.

² Портик Зевса Элевферия, или освободителя, построен был в Керамике, близ статуи того же имени. А Керамиком называлась часть или квартал города Афин. Керамиком, по свидетельству *Свиды*, в Афинах было два: один в самом городе, другой за городом. В одном погребали граждан, павших в сражении, в другом находились позорные дома. Такое же показание см. *Hesych. и Meurs. De Ceramic.* с. 4.

Дим. Пойдем же, Сократ³. Как все растения⁴, все произведения земли, животные и прочее, так, должно быть, живот и человек, ибо что касается растений, то мы, занимающиеся обрабатыванием земли, легко можем приготовить все, предшествующее садке их, и самую садку; но после того, как посаженное стало жить, уход за ним бывает и многосложен, и тяжел, и соединен с препятствиями. То же представляется и в отношении к людям. По моим делам гадаю и о делах чужих⁵. Насаждение ли, рождение ли надобно применить к этому моему сыну – для меня это было легче всего; но воспитание его соединено с затруднениями и всегда держит меня в страхе, всегда боюсь я за него. Так вот можно бы го-

³ Естественно представлять, что Димодок, сказав: *пойдем же, Сократ*, делал этот переход до портика не молча, но тотчас начал свой монолог, служащий вступлением в беседу. Такое вступление напоминает нам о первой странице Платонова Горгиаса.

⁴ *Все растения, πάντα τὰ φυτά.* Под словом *φυτά* разумеется все, что *φύεται*. На это слово писатель смотрит, как на знак понятия родового, и различает в нем два вида: *τὰ ἐκ τῆς γῆς φύόμενα καὶ τὰ ζῶα*. Подобное место встречаем Phileb p. 22 B: (βίος) *πᾶσι φυτοῖς καὶ ζώοις αἰρετός*. Legg. VI, p. 764 E.

⁵ *По моим делам гадаю и о делах чужих, ἀπὸ τῶν ἐμαντοῦ τεκμαίρομαι καὶ ἐς τᾶλλα*, т. е. *καὶ εἰς τὰ τῶν ἄλλων*. Такой конструкции, сколько помним, не встречали мы ни у Платона, ни у других образцовых греческих писателей. Притом смешной и пошлой представляется мысль Димодока: *τὴν τοῦ υἱέος τουτονὶ εἶται φυτεῖαν εἶται παιδοποιῖαν πάντων ῥῆστον γεγενῆσθαι*. Платон выразился бы, конечно, деликатнее. *Дионисий галикарнасский* (Art. Rhetor. T. V, p. 405, ed. Reisk.), почитая Феага сочинением подлинным, старается извинить Платона и говорит: *τοῦτο δὲ οὐ χρὴ νομίζειν, ὅτι μεγάλη τῇ φωνῇ χρῆται ὁ Πλάτων*, – так как это говорил отец в присутствии сына, – *ἀλλ' ἐλειδῆ ὁ Δημόδοκος ἐργαστικὸς καὶ γεωργός, φωνὰς ἀφίησι τῆς τέχνης*. Но такое извинение неудовлетворительно.

ворить и о многом другом, но меня особенно пугает теперешнее его желание. Оно, конечно, не неблагородно, однако ж опасно. Видишь, он у нас, Сократ, говоря его словами, желает сделаться мудрецом. Мне кажется, некоторые из его сверстников и земляков, хаживавшие в Афины⁶, припоминают какие-нибудь речи и ерошат его. Соревнуя этим своим товарищам, он давно уже озабочивает меня и просит, чтобы я постарался о нем и платил деньги кому-нибудь из софистов, который бы сделал его мудрецом. О деньгах-то я мало забочусь, а думаю, не спешит ли он идти на немаловажную опасность. Донеда я удерживал его моими увещаниями, но так как далее удерживать уже не могу, то признаю за лучшее уступить ему, чтобы, и помимо меня часто обращаясь с кем-нибудь, он не испортился. Для того-то именно я теперь и приехал, чтобы представить его которому-нибудь из этих кажущихся софистов. И ты кстати встретился с нами, потому что, приступая к такому делу, я хотел бы посоветоваться особенно с тобой. Так если имеешь дать какой-нибудь совет в том, о чем от меня слышал, то можешь и должен.

Сокр. Ведь говорят же, Димодок, что совет есть дело свя-

⁶ *Хаживавшие в Афины*, εἰς τὸ ἄστυ καταβαίνοντες. Штальбом и некоторые другие критики заключают из этого, что Феаг жил в Пирее. Но ἄστυ здесь берется, очевидно, не как афинская цитадель или центральное место города, а как резиденция правительства республики, и противопоставляется τοῖς δήμοις. Поэтому-то Димодок и говорит: νῦν οὖν ἦκω ἐπ' αὐτὰ ταῦτα, т. е. из своей думы в Афины.

ценное⁷. Но если он дело священное во всяком другом случае, то и в этом, в котором ты советуешься, ибо для человека советуемого нет предмета столь божественного, как воспитание себя и своих родных. Сначала, однако, я и ты должны согласиться между собой, что такое то, касательно чего думаем мы советоваться. Как бы не пришлось иногда заметить под этим мне одно, а тебе – другое; тогда ведь, вошедши уже далеко в свою беседу, мы сознали бы себя смешными, если бы я, советующий, и ты, советующийся, понимали дело неодинаковым образом.

Дим. Ты, мне кажется, правильно говоришь, Сократ. Так и надобно сделать.

Сокр. Говорю-то я и правильно, да не совсем, однако, потому что немного изменяю мое слово. Мне думается, что и ребенок этот желает не того, чего, по нашему мнению, желает он, а другого; да и мы опять, может быть, еще безрассуднее его, что собираемся советоваться об ином. Поэтому, мне кажется, будет правильнее начать с него самого – спросить, что такое то, чего он желает.

Дим. Должно быть, в самом деле лучше так, как ты гово-

⁷ Совет есть дело священное, συμβουλή ἱερὸν χρῆμα. Схолиаст: παροιμία ἐπὶ τῶν καθαρῶς καὶ ἀδόλως συμβουλευσάντων· δεῖ γὰρ τὸν συμβουλευόντα μὴ τὸν ἴδιον σκοπεῖν· τὸ γὰρ ἱερὸν οὐδενὸς ἴδιον, ἀλλὰ τῶν χρωμένων ἐστὶ κοινόν· ἐπειδὴ καταφεύγομεν ὡσπερ εἰς τὰ ἱερά θέλοντες συμβουλευέσθαι οἱ ἄνθρωποι. Просі́κει οὖν τοῖς συμβουλευούουσιν ἀψευδεῖν καὶ τὰ βέλτιστα κατὰ τὴν αὐτῶν γνώμην συμβουλεύειν. Эту пословицу приводит и *Аристофан* в *Ἀμφίар.* *Zenodot* производит ее от *Епихарма*. *Schott.* ad. *Zenob.* Proverb. Centur. IV, 40. *Epist. Plat.* V init. *Alberti ad Hesichium* vol. II, p. 27.

ришь.

Сокр. Скажи же мне, какое прекрасное имя⁸ молодому человеку? как мы будем называть⁹ его?

Дим. Имя ему Феаг, Сократ.

Сокр. В самом деле прекрасное и священное имя¹⁰ дал ты своему сыну, Димодок. Скажи же нам, Феаг: заявляешь ли ты свое желание сделаться мудрецом и просишь ли своего отца, чтобы он отыскал такого человека, беседа с которым сообщила бы тебе мудрость?

Феаг. Да.

Сокр. А мудрецами знатоков ли называешь ты, в отношении к чему были бы они знатоками, или незнатоков?

Феаг. Я – знатоков.

Сокр. Что же? Разве не воспитывал тебя отец и не учил тому, чему учатся здесь другие сыновья почтенных отцов, например: грамоте, играть на цитре, бороться и иным упраж-

⁸ *Какое прекрасное имя?* τί καλὸν ὄνομα. Прилагательное καλόν поставлено здесь как бы для того только, чтобы естественнее было дальнейшее выражение: καλὸν γὰρ τῷ υἱεῖ τὸ ὄνομα ἔθου. Подобное употребление его едва ли встретим у греческих писателей. Впрочем, это выражение можно понимать как формулу вежливости.

⁹ *Как мы будем называть его?* τί αὐτὸν προσαγορεύομεν. Платон сказал бы: τί αὐτὸν ὀνομάζομεν, или καλῶμεν; а προσαγορεύειν употребляется только тогда, когда наименовываается должность, занятие, добродетель и т. п. Например, Phileb. p. 12 B: καὶ νῦν τὴν μὲν Ἀφροδίτην ὅπῃ ἐκεῖνη φίλον, ταύτην προσαγορεύω. Здесь говорится об имени удовольствия. De Republ. V, p. 463 A: τί ὁ ἐν ταῖς ἄλλαις δῆμος τοῦς ἄρχοντας προσαγορεύει; alib.

¹⁰ *Феаг.* Θεάγης значит «сильно любящий божественное».

нениям¹¹?

Феаг. Конечно учил.

Сокр. Так думаешь, недостает еще какого-нибудь знания, о доставлении тебе которого отец должен позаботиться?

Феаг. Думаю.

Сокр. Какое же это знание? Скажи и нам, чтобы мы угодили тебе.

Феаг. Знает и он, Сократ, потому что я многократно говорил ему, и это нарочно¹² толкует тебе, как будто бы не знает, чего я желаю. Такими ведь и другими еще словами препирается он и со мной и никому не хочет представить меня.

Сокр. Но то, что говорил ты ему прежде, говорено было без свидетелей; а теперь возьми меня в свидетели и объяви предо мной, что это за мудрость, которой ты желаешь. Положим, тебе желалось бы того знания, с помощью которого люди правят кораблями, и мне случилось бы спросить тебя:

¹¹ *Почтенных отцов*, τῶν καλῶν κἀγαθῶν πατέρων. Καλοὶ κἀγαθοί, в отношении к рангам гражданской жизни, суть люди благородные, вельможи и сановники государства, которым противопоставляется ὁ δῆμος. Так Xenoph. Hellen. II, 3, 15: εἷ τις ἐτιμᾶτο ὑπὸ τοῦ δήμου, τοὺς δὲ καλοὺς κἀγαθοὺς μηδὲν κακὸν εἰργάζετο. Plutarch. vit. Pericl. p. 158 B: οὐ γὰρ εἶασε τοὺς καλοὺς κἀγαθοὺς καλουμένους – σῶμμεμῖχθαι πρὸς τὸν δῆμον. То, чему должны были учиться благородные дети, достаточно показано в «Протагоре», p. 325 D sqq. Aristoph. Nubb. v. 955–980.

¹² *Нарочно*, ἐξελίτηδες. Притворно, с умыслом, как будто бы; то есть Димодок в самом деле не знал, какой мудрости желает Феаг, тогда как последний уже много раз объяснял отцу, что разумеет он под именем мудрости. Слово *нарочно* в этом смысле выходит у нас из употребления и держится только почти в простонародном говоре.

«Феаг! В какой мудрости нуждаясь, порицаешь ты отца, что он не хочет представить тебя тому, кто сделал бы тебя мудрым?» Что отвечал бы ты мне? Какая это мудрость? Не кораблевождение ли?

Феаг. Да.

Сокр. А если бы ты пожелал быть мудрым в такой мудрости, с помощью которой правят колесницами¹³, и тоже порицал бы отца, то на мой вопрос: «Что это за мудрость?» – чем назвал бы ты ее? Не возничеством ли?

Феаг. Да.

Сокр. Но та, которой ты теперь желаешь, безымянная ли какая или имеет имя?

Феаг. Я думаю, имеет.

Сокр. Так знаешь ли ты ее – по крайней мере без имени, или и имя?

Феаг. Да, и имя.

Сокр. Скажи же, какое оно.

Феаг. Какое другое можно дать ей имя, Сократ, как не мудрость?

Сокр. Но не мудрость ли и возничество? Или оно кажется тебе невежеством?

Феаг. Нет.

Сокр. А мудростью?

¹³ *Правят колесницами*, τὰ ἄρματα κυβερνῶσιν. Шлейермахер правильно замечает, что едва ли бы Платон сказал: κυβερνᾶν τὰ ἄρματα. Примеров такого применения этого глагола не представляется.

Феаг. Да.

Сокр. Для чего мы пользуемся им? Не для того ли, чтобы уметь править парой коней?

Феаг. Да.

Сокр. Не мудрость ли также и кораблевождение?

Феаг. Мне кажется.

Сокр. Не для того ли и оно, чтобы уметь править кораблями?

Феаг. Конечно для того.

Сокр. А мудрость, которой ты желаешь, – что такое она? Чем умеем мы править при ее помощи?

Феаг. Мне кажется, людьми.

Сокр. Не недужными ли?

Феаг. Совсем нет.

Сокр. Потому что для этого есть искусство врачебное. Не так ли?

Феаг. Да.

Сокр. Но не умеем ли мы при ее помощи управлять поющими в хорах?

Феаг. Нет.

Сокр. Потому что для этого-то есть музыка.

Феаг. Конечно.

Сокр. Или через нее умеем мы управлять теми, которые занимаются телесными упражнениями?

Феаг. Нет.

Сокр. Потому что для этого-то есть гимнастика.

Феаг. Да.

Сокр. В каком же деле пользуемся мы ей? Постарайся сказать мне, как я наперед сказал тебе.

Феаг. Ей пользуемся мы, мне кажется, в городе.

Сокр. Но не в городе ли и недужные?

Феаг. Да, однако ж не этих только я разумею – говорю и о других, живущих в городе.

Сокр. Так ужели я понимаю, на какое искусство указываешь ты? Ведь мне кажется, ты говоришь не о том, посредством которого мы умеем управлять жнецами, виноградарями, садовниками, сеятелями, молотильщиками, потому что этим управляем мы при помощи науки земледелия. Не так ли?

Феаг. Да.

Сокр. И не о том говоришь ты, посредством которого мы умеем управлять пильщиками, сверлильщиками, токарями и всеми вообще вертельщиками, потому что такое искусство не есть ли строительное?

Феаг. Да.

Сокр. Впрочем, может быть, о том, посредством которого умеем мы управлять всеми этими: и самыми земледельцами и плотниками, и всеми мастерами и не-мастеровыми¹⁴, и мужчинами и женщинами – может быть, такое-то искус-

¹⁴ *И не-мастеровыми*, καὶ τῶν ἰδιωτῶν. Ἰδιῶται здесь противопоставляются τοῖς δημιουργοῖς, и потому это такие люди, которые не научены никакому мастерству и не знают никаких искусств, – artium imperiti. Употребление этого слова в таком смысле см. Sympos. p. 178 В. Phaedr. p. 258 D. Ion. p. 531 С, al.

ство называешь ты мудростью.

Феаг. Именно такое, Сократ; давно уже хочу я назвать его.

Сокр. А можешь ли сказать, что Эгисф¹⁵, умертвивший в Аргосе Агамемнона, управлял теми, о которых ты говоришь: мастерами и не-мастеровыми, всеми мужчинами и женщинами, или некоторыми иными?

Феаг. Нет, не теми, а этими.

Сокр. Что еще? Пелей¹⁶, сын Эака, во Фтии – не теми ли самыми управлял он?

Феаг. Да.

Сокр. А слышал ли ты о Периандре¹⁷, сыне Кипсела, правившем в Коринфе?

Феаг. Слышал.

Сокр. Не теми ли же самыми управлял он в своем городе?

Феаг. Да.

Сокр. Что скажешь притом об Архелae, сыне Пердикки, который в последнее время¹⁸ стал править Македонией?

¹⁵ Эгисф, умертвивший двоюродного своего брата Агамемнона на пиру, семь лет господствовал в Микенах и умерщвлен Орестом, сыном Агамемнона. *Odys.* I, 35.

¹⁶ Пелей и Теламон, по зависти, умертвили своего брата Фоку. Изгнанные своим отцом, они удалились – один во Фтию, другой на остров Саламин.

¹⁷ Периандр коринфский обыкновенно считается одним из семи мудрецов Греции, он жил около XXXVIII олимп. Платон причислял его не к мудрецам, а к жестоким тиранам. См. *Protag.* p. 339 С. примечание.

¹⁸ *В последнее время стал управлять* (Архелай), τὸν νεωστὶ τοῦτων ἄρχοντα. Об этом много говорится в «Горгиасе», p. 471 D sqq. Архелай восшел на македонский престол в конце 91 олимп., т. е. за 413 лет до Р. Х. А так как ниже, p. 129

Не теми ли самыми, думаешь, управляет он?

Феаг. Думаю, теми.

Сокр. А Иппиас, сын Пизистрата, правивший в этом городе, кем, думаешь, управлял он? Не этими ли?

Феаг. Как не этими.

Сокр. Можешь ли ты сказать мне, какое имя дают Вакису, Сивилле и нашему соотечественнику Амфилиту¹⁹?

Феаг. Какое больше, Сократ, как не имя прорицателей?

Сокр. Правильно говоришь. Постарайся же ответить мне и относительно этих: какое имя прилично Иппиасу и Перигандру по их управлению?

Феаг. Думаю, имя тиранов; какое же больше?

Сокр. Стало быть, кто желает управлять всеми людьми в городе, тот желает одинаковой с ними власти – тиранической, тот хочет быть тираном.

Феаг. Оказывается так.

Сокр. И ты сказал, что желаешь ее.

Д, упоминается об экспедиции Тразилла к берегам Ионии, которая относится к 4, 92 олимп., т. е. к 409 году до Р. Х.; то разговор этот долженствовал происходить в сем самом году. Поэтому словом νεωστὶ охватываются предшествующие четыре года.

¹⁹ *Вакис* – беотийский прорицатель, который, задолго до нашествия Ксеркса на Грецию, предсказывал грекам все, что должно было произойти. Геродот в восьмой книге (с. 20) приводит много его предсказаний. Сивилла здесь разумеется эритрейская, о которой вместе с Вакисом и Амфилитом упоминает *Themistius* p. 55, ed. Dind. Амфилит, по сказанию Геродота (I, 62), – акарнанец: а что здесь называется он ἡμεδαλός, то это либо потому, что он долго жил в Афинах, либо потому, что вместо Ἀκαρνάν, у Геродота надобно читать Ἀχαρνεύς. Подробнее об этих лицах см. *Wesseling. ad Herodot. VIII, 20.*

Феаг. Из моих слов, конечно, выходит.

Сокр. Злодей²⁰! Так ты, из-за желания тиранствовать над нами, давно уже порицаешь отца, что он не посылает тебя в школу какого-нибудь учителя тирании? А тебе, Димодок, не стыдно? Давно уже зная, чего желает он, и будучи уверен, что если будешь посылать его туда, то сделаешь мастером в желаемой им мудрости, ты теперь завидуешь ему и посылать не хочешь? Но видишь: в эту минуту он оговорил тебя в моем присутствии; так посоветуемся сообща – я и ты – к кому бы нам посылать его и в чьем бы сообществе мог он сделаться мудрым тираном.

Дим. Да, ради Зевса, Сократ, посоветуемся-таки, так как, по моему-то мнению, это требует совета немаловажного.

Сокр. Постой, добряк, сперва расспросим получше его самого.

Дим. Так спрашивай.

Сокр. Что, Феаг, если бы мы несколько воспользовались Эврипидом? Ведь Эврипид²¹ где-то сказал: «Мудры тираны беседой мудрых».

Но пусть бы кто спросил его: «Эврипид! О чем беседа

²⁰ *Злодей*, ὁ μαρτί. Мы неправильно поняли бы в этом месте тон речи Сократовой, если бы, вместе со Шлейермахером, принимали слова его серьезно. Здесь Сократ сперва Феагу, а потом Димодоку говорит шуточно, поэтому и Димодок далее отвечает ему шуткой.

²¹ Этот стих Платон приписывает Эврипиду и здесь, и в VIII кн. Государства (р. 568 А). Но другие, напротив, находят его в Софокловом Аяксе локрском. *Gataker*. Opp. Т. 1, р. 173.

мудрых делает, говоришь, мудрыми тиранов?»

Или пусть бы, например, сказал он: «Мудры земледельцы беседой мудрых».

А мы спросили бы: «В чем мудрых?» – что отвечал бы он? Иное ли нечто, или то, что мудрых в земледелии?

Феаг. Нет, именно это.

Сокр. Что же? Если бы сказал он: «Мудры повара беседой мудрых».

А мы спросили бы: «В чем мудрых?» – что отвечал бы он? Не то ли, что в поварском искусстве?

Феаг. Да.

Сокр. Что еще? Если бы сказал он: «Мудры бойцы беседой мудрых».

А мы спросили бы его: «В чем мудрых?» – не отвечал ли бы он, что в искусстве бороться?

Феаг. Да.

Сокр. Но когда он сказал: «Мудры тираны беседой мудрых».

А мы хотим спросить его: «В чем мудрых, говоришь ты, Эврипид?» – что ответит он? В чем состоит эта мудрость?

Феаг. Не знаю, клянусь Зевсом.

Сокр. А хочешь ли, а скажу тебе?

Феаг. Если угодно...

Сокр. В том, что, по словам Анакреона, знала Калликрита. Или неизвестна тебе эта песня?

Феаг. Известна.

Сокр. Так что же? Не желаешь ли и ты обращаться с таким каким-нибудь человеком, который обладает одним и тем же искусством с Калликритой²², дочерью Кианы, и знает тиранию, как говорит о ней поэт, чтобы и тебе тиранствовать над нами и над городом?

Феаг. Давно уже, Сократ, смеешься ты и шутишь надо мной.

Сокр. Как! Разве, по твоим словам, не той мудрости желаешь ты, посредством которой мог бы управлять всеми гражданами? А делая это, чем же иным был бы ты, как не тираном?

Феаг. Конечно, согласился бы я, думаю, сделаться тираном – особенно над всеми людьми, а если нет, то по крайней мере над весьма многими; желал бы даже, может быть, сделаться богом, хотя я и не говорил, что этого желаю.

Сокр. Так что же еще есть, чего тебе хочется? Не сказал ли ты, что желаешь управлять гражданами?

Феаг. Только не насильственно, не как тираны, а по их воле, как управляют в городе и другие знатные мужи.

Сокр. Так ли, говоришь, как Фемистокл, Перикл, Кимон и все, бывшие сильными в политике?

²² Что это была за Калликрита, греческое предание не говорит ничего; да и стихи, написанные Анакреоном, до нас не дошли. Conf. edit. *Fischeri* p. 451 et *Bergk*. De *Anacreontis Reliquiis* p. 264. Судя по замечанию Сократа в этом месте, она любила толковать о политике и в этом отношении была предшественницей Аспазии и Диотимы, прославленных греческим классицизмом.

Феаг. Да, клянусь Зевсом, этих я разумею.

Сокр. Так что же? Если бы случилось тебе пожелать сделаться мудрецом в верховой езде, к кому естественно отправился бы ты²³, чтобы выйти отличным всадником? К иному ли кому кроме берейтора?

Феаг. Нет, клянусь Зевсом, не к иному.

Сокр. А к тем самым искусникам в этом отношении, у которых есть лошади и которые всегда обращаются как со своими, так и со многими чужими?

Феаг. Явно, что к ним.

Сокр. Что же? Если бы тебе захотелось сделаться мудрецом в стрельбе, не к стрельцам ли бы задумал ты идти, чтобы быть мудрым, – к тем то есть, у которых есть стрелы и которые всегда употребляют их много – как чужих, так и собственных?

Феаг. Мне кажется.

Сокр. Скажи же теперь: так как ты хочешь быть мудрецом в политике, то с целью сделаться мудрым к иному ли кому думаешь отправиться, а не к тем политикам, которые и сами сильны в политике, и всегда обращаются как со своим городом, так и со многими другими, и входят в сношение не только с греческими, но и с варварскими городами? Или

²³ К кому естественно отправился бы ты, *παρὰ τίνος ἂν ἀφικόμενος*, конструкция у Платона неупотребительная. Вместо *παρὰ τίνος ἀφικνεῖσθαι* или *ἰέναι* Платон сказал бы: *εἰς τίνος ἰέναι*. По крайней мере, здесь надобно разуметь уже не хождение в школу, а посещение кого-нибудь для какой бы то ни было цели.

тебе кажется, что, обращаясь с кем-нибудь иным, сделаешь-ся ты мудрецом в том же отношении, в каком эти, а не с нами самими?

Феаг. Слышал я, Сократ, как пересказывали твои речи об этих людях. Сыновья подобных политиков, говорили, несколько не лучше, чем сыновья кожевников. И ты, мне кажется, сколько я могу судить, говоришь весьма справедливо. Поэтому я был бы безумен, если бы подумал, что кто-нибудь из них мне может передать свою мудрость, а собственному своему сыну, при всей способности быть полезным для кого бы то ни было из людей, никакой пользы принести не может.

Сокр. Но чем бы ты, лучший из мужей, помог себе, если бы родился у тебя сын и стал вводить тебя в такие хлопоты, говоря, что он желает сделаться хорошим живописцем, и порицая тебя, отца, что ты не хочешь на этот предмет тратить для него денег, а между тем мастеров сего самого искусства – живописцев – бесчестил бы и не хотел у них учиться? То же и флейтистов, желая сделаться флейтистом, то же и цитристов. Что мог бы ты с ним сделать и куда в другое место послал бы его, если бы он не захотел учиться у этих?

Феаг. Клянусь Зевсом, не знаю.

Сокр. Но теперь то же самое делаешь ты со своим отцом, а между тем удивляешься и порицаешь его, когда он недоумевает, как повестись с тобой и куда послать тебя. Пожалуй, мы представим тебя кому-нибудь из отличнейших в полити-

ке афинян, кто наставит тебя даром; и ты, с одной стороны, сэкономишь деньги, с другой – приобретешь гораздо больше расположения от народа, чем учась у кого другого.

Феаг. Так что же, Сократ? Разве ты не из отличнейших мужей? Согласись только меня допустить к своей беседе – и для меня довольно, я не буду искать никакого более.

Сокр. Что это говоришь ты, Феаг?

Дим. А ведь он говорит нехудо, Сократ; ты вместе сделаешь удовольствие и мне. Думаю, для меня не было бы находки больше той, как если бы он понравился тебе и ты согласился бы беседовать с ним. Я даже стыжусь сказать, как сильно хочу этого; посему прошу обоих вас: тебя – чтобы ты согласился беседовать с ним, а тебя – чтобы ты не искал обращения ни с кем, кроме Сократа. Через это вы избавите меня от многих и страшных беспокойств. Теперь ведь я очень боюсь за него, как бы не столкнуться ему с кем другим, который может развратить его.

Феаг. С этого времени за меня-то уже не бойся, батюшка, если ты в состоянии убедить его, чтобы он принимал меня в свою беседу.

Дим. Очень хорошо говоришь. После этого, Сократ, к тебе уже обращаю мое слово. Я готов, говоря коротко, предложить тебе и меня и мое, что имею, самое драгоценное – одним словом, все, чего ни потребуешь, лишь бы только ты полюбил этого Феага и благодетельствовал ему, сколько можешь.

Сокр. Димодок! Я не удивляюсь твоей заботливости, если ты думаешь, что сын твой особенно от меня получит пользу, ибо не знаю, о чем бы больше всего заботился всякий умный человек, как не о своем сыне, чтобы он был самым лучшим. Но почему тебе показалось, будто я в состоянии принести твоему сыну больше пользы, чтобы он вышел хорошим гражданином, чем ты сам, и с чего взял сын твой, будто я буду для него полезнее тебя, – это для меня очень удивительно. Во-первых, ты старше, чем я; потом, ты в управлении афинянами занимал много правительственных должностей, да еще и важнейших; кроме того, ты пользуешься особенным почетом как со стороны анагирасийских граждан²⁴, так не меньше и со стороны всех жителей республики²⁵. Во мне же никто из вас не найдет ничего подобного. Да и то еще: если этот Феаг, презирая беседу политиков, ищет каких-то других, которые объявляют, что могут учить молодых людей, то есть здесь и Продик хиосский, и Горгиас леонтинский,

²⁴ Схолиаст: Ἀναγυροῦς, δῆμος Αἰαντίδος, ἀφ' οὗ Ἀναγυράσιοι. Об этой деме, которую писатели относят к трибе эрехтийской, см. *Harpocrat. Stephan. Bysant. Boeck. ad Corp. Inscript. n. 200 Grotefend. De Demis Atticae p. 18 eq.* (В тексте нет указаний на сноски № 1 и 2. *Ред. электронного издания.*)

²⁵ За этим следует монолог, почти буквально выписанный из Апологии Сократа (р. 19 E), где текст читается так: ἀλλὰ γὰρ οὔτε τούτων οὐδὲν ἐστίν (а у писателя «Феага»: ἐμοὶ δὲ τούτων οὐδὲν ἐνορᾷ οὐδέτερος ὑμῶν), οὐδε γε εἴ τις οὐκ ἀκηκόατε, ὡς ἐγὼ παιδεύειν ἐπιχειρῶ ἀνθρώπους καὶ χρήματα πράττομαι, οὐδὲ τοῦτο ἀληθές. Еπεὶ τοῦτο γε и проч. Такого повторения одного и того же текста Платон сделать не мог, и это представляется важнейшим доказательством подложности «Феага».

и Полос акрагантинский, и другие многие, которые так мудры, что, приходя в города, убеждают благороднейших и богатейших между юношами, чтобы они, имея возможность даром беседовать с какими угодно гражданами, оставили их беседы и обращались с этими, а для вознаграждения платили им очень большие деньги с придачей еще благодарности. Так из них которого-нибудь следовало предызбрать и сыну твоему и самому тебе, а меня – не следовало, потому что я не знаю ни одной из этих блаженных и прекрасных наук, хотя бы и желал, да и всегда-таки говорю, что мне приходится просто не иметь никакого знания, кроме неважного, относящегося к делам любовным²⁶: в этом именно знании я почитаюсь сильнее кого бы то ни было и из прежних людей, и из нынешних.

Феаг. Видишь ли, батюшка, что Сократ, как мне кажется, не очень согласен обращаться со мной? С моей-то стороны и есть готовность, если бы ему угодно было, да он только шутит над нами. Я знаю некоторых моих сверстников и юношей немногим постарше меня, которые до обращения с ним ничего не стоили, а вошедши в его общество, в весьма корот-

²⁶ К чему писатель навязывает здесь Сократу знание дел любовных, нисколько не видно. Предмет речи вовсе не требовал этого. Если в Симпосионе, р. 177 D, Сократ говорит: οὐδέν φημι ἄλλο ἐπίστασθαι, ἢ τὰ ἐρωτικά (снес. Lysid. р. 204 B), то там слова его понятны: там идет рассуждение о любви, которой он своими исследованиями старается сообщить высшее значение; а здесь диалогист через такую вставку является не больше, как слепым и бездарным компилятором, который любовался только отдельными оборотами Платонова диалога, не усвоив себе его идеи.

кое время оказываются лучше всех тех, сравнительно с кем сперва были хуже.

Сокр. Знаешь ли ты, сын Димодока, как это бывает?

Феаг. Да, ради Зевса, знаю, что, если бы ты захотел, и я был бы в состоянии сделаться таким, каковы те.

Сокр. Нет, добряк, тебе неизвестно, как это бывает, а я тебе скажу. По божественному жребию за мной с детства следует гений²⁷ – это голос, который, когда проявляется, всегда дает мне заметить, что я должен уклониться от того, что намерен делать, но никогда не наклоняет к чему бы то ни было. Поэтому, кто из моих друзей сносится со мной и в то же время проявляется голос, это самое отклоняет меня и не позволяет мне делать. В этом я представлю вам свидетелей. Ведь вы знаете того бывшего красавца Хармида²⁸, сына Главконова. Некогда он объявил мне о своем намерении пробежать в Немеях стадию. Едва начал он говорить, что решается на этот подвиг, – вдруг проявляется голос. Тогда я стал отсоветовать ему это и сказал: «Между тем, как ты говорил, проявился во мне голос гения; так не подвизайся». «Может

²⁷ Это опять выписка из Апологии Сократа (р. 31 D). Притом Сократовы мысли о гении приложены здесь к тому, к чему сын Софрониска никогда не прилагал их. Из его упоминания о гении писатель «Феага» сделал какой-то дар предсказания, чего Сократ никогда себе не приписывал. Могло ли прийти кому-нибудь в голову, что несчастья Хармида и Тразилла зависели не от умственного и нравственного их состояния, а от случайного сцепления обстоятельств, предсказанных Сократом?

²⁸ Рассказ о Хармиде ни из какого другого источника не известен.

быть, он дает знать, – отвечал Хармид, – что я не одержу победы? Что же? Пусть не одержу, по крайней мере в это время доставлю себе пользу телесным упражнением». Сказав так, пустился он в подвиг. Стоит спросить его самого, что случилось с ним во время этого подвига. Если хотите, спросите и брата Тимархова, Клитомаха, что говорил ему Тимарх, когда умирал именно оттого, что не послушался гения, – спросите, что говорил и он, и стадийный скороход Эватл, принявший к себе бежавшего Тимарха. Он скажет вам, что Тимарх говорил ему следующее.

Феаг. Что такое?

Сокр. «Клитомах! – говорил он. – Я умираю теперь оттого, что не хотел послушаться Сократа». А что именно разумел под этим Тимарх, я расскажу. Когда Тимарх и Филимон, сын Филимонида, встали с пира, чтобы убить Никиаса²⁹, сына Ироскамандрова – а они только двое и питали этот умысел, – тогда первый из них, вставши, сказал мне: «Что ты толкуешь, Сократ? Вы пейте, а я должен встать и куда-то идти; немного спустя возвращусь, если удастся». А у меня на ту пору – голос, и я тотчас сказал: «Никак не вставай; ведь вот во мне проявилось обычное знамение – гений». Он удержался, но спустя несколько времени снова порывался идти и сказал: «Иду, Сократ». А во мне опять голос – и я опять

²⁹ Этого Никиаса, сына Ироскамандрова, о котором нигде больше не упоминается, надобно отличать от знаменитого афинского полководца, действовавшего во время войны пелопоннесской.

заставил его удержаться. В третий раз, чтоб утаиться от меня, он встал, не сказав мне ни слова, и, улучив минуту, когда мое внимание занято было чем-то другим, ушел потихоньку. Отправившись таким образом, он совершил то, от чего потом умер. Потому-то сказал он брату, как теперь сказал я вам, что причиной его смерти было неверие мне. Конечно, от многих слышали вы и о том, что произошло в Сицилии³⁰, как я говорил о погибели войска. О совершившемся вы можете слышать от тех, которые знают дело; но этот случай может служить пробой знамения, правду ли оно говорит. Когда Саннион красивый отправлялся на войну, мне было знамение – и между тем как теперь, чтобы сражаться с Тразиллом, идет он прямо к Ефесу и Ионии, мне думается, что или его ожидает смерть, или ему наскочить на что-нибудь подобное; вообще, я очень боюсь за нынешнее предприятие³¹. Все это я говорил тебе с намерением показать, что сила моего ге-

³⁰ Разумеется несчастная экспедиция Афинян в Сицилию, о которой см. *Thucyd.* VI, 8 sqq.

³¹ Писатель не представляет никакой причины, почему Сократ так боялся за этого неизвестного истории Санниона. Неизвестным остается и то, почему *Σαννίων* назван *ὁ κάλός*. Корнарий, Фицин, Беккер, Шлейермахер и Квебелий принимают *ὁ κάλός*, как имя собственное или как ограничительную черту собственного имени *Σαννίων*, хотя кодексами Платоновых сочинений это и не подтверждается. Надобно заметить, что здесь говорится об экспедиции, совершившейся в 4, 92 олимп. и предпринятой против Ионии. См. *Xenoph.* *Hellen.* 1, 2, 1 sqq. *Diodor.* XIII, 64. Тразилл был один из тех вождей, которые, потерпев поражение при Аргинусских островах, не привезли с собой убитых и за то приговорены были к смертной казни.

ния имеет важное влияние на собеседование обращающихся со мной лиц, потому что многим она противится, внушая, что от обращения со мной не получить им пользы, так что и обращаться с ними не позволяет. А многим быть моими собеседниками она и не препятствует, но беседование это несколько им не полезно. Напротив, кому сила гения в собеседовании помогла бы, те выходят такими, какими и ты знаешь их – необыкновенно скоро делают успехи. Впрочем, из этих опять успевающих одни получают пользу прочную и постоянную; многие же во все время, пока обращаются со мной, удивительно успевают, а как скоро удаляются от меня, ничем не отличаются от всякого. Таким некогда оказался Аристид, сын Лизимаха, сына Аристидова. Обращаясь со мной, он в короткое время успел очень много; потом выпала ему какая-то война – и он поплыл; пришедши же назад, нашел в обращении со мной Фукидида³², сына Мелисиева, внука Фукидидова. Фукидид на первых порах несколькими словами выразил мне свое нерасположение. Поэтому, увидевшись со мной и поздоровавшись, Аристид стал разговаривать и между прочим сказал: «Я слышу, Сократ, что Фукидид несколько величается пред тобой и надмевается, будто что значит». «Так и есть», – отвечал я. «Что же? Разве не знает он, – продолжал Аристид, – что прежде, чем вступил в собеседование с тобой, был чуть не рабом?» – «Теперь-то не кажется таким, клянусь богами», – отвечал я. «Впрочем,

³² Об Аристиде и Фукидиде см. Lachet. 179 A sqq. Сравн. Theaetet p. 150 E.

и сам-то я, Сократ, кажусь для себя смешным», – сказал он. «Почему особенно?» – спросил я. «Потому, – отвечал он, – что до отплытия мог разговаривать со всяким человеком и никого не хуже являлся со своим словом, так что искал случаев беседовать с людьми самыми приятными; напротив, теперь, только что почую какого-нибудь ученого, тотчас бегу – так стыжусь я своего простоумия». – «Но вдруг ли оставила тебя эта сила или оставляла понемногу?» – спросил я. «Понемногу», отвечал он. «Отчего же это приключилось тебе?» – спросил я. – «Оттого ли, что, учась у меня, получил ты такое расположение, или каким иным образом?» – «Я скажу тебе, Сократ, – отвечал он. – Невероятно, клянусь богами, однако ж истинно. У тебя, как сам ты знаешь, я ничему не научился, однако ж беседуя с тобой, успевал, даже когда жил только в одном с тобой доме, а не в одной комнате; живя же в одной с тобой комнате, успевал еще более. И мне казалось, что успехи мои шли гораздо быстрее, когда, находясь в одной с тобой комнате, во время твоей беседы я смотрел больше на тебя, чем куда-нибудь в другую сторону; а еще заметнее и значительнее успевал, когда сидел возле тебя и прикасался к тебе. Теперь же, – сказал он, – тогдашнее состояние мое совершенно исчезло». Так вот каково наше собеседование, Феаг! Если угодно будет Богу, то ты очень много и скоро успеешь; а когда нет – не успеешь. Поэтому смотри, не безопаснее ли для тебя учиться у кого-нибудь из тех, которые сами ручаются за пользу, доставляемую ими людям, чем у меня,

который предоставляет пользоваться тем, что случится.

Феаг. Мне кажется, Сократ, что мы должны поступить так: беседуя друг с другом, испытать этого гения. Если он позволит нам, будет очень хорошо; а когда нет – останется еще время посоветоваться, что делать: искать ли другого руководителя или попытаться живущее в тебе божество умиловить молитвами, жертвами и всем, чего требуют прощатели.

Дим. Не противоречь больше юноше, Сократ, ведь Феаг говорит хорошо.

Сокр. Если кажется, что так надобно сделать, – сделаем.

Менексен

Лица разговаривающие: *Сократ и Менексен*

Сокр. С площади или откуда Менексен³³?

Мен. С площади, Сократ, и из совета.

Сокр. Зачем же ты в совет? Впрочем, не явно ли, что считаешь себя достигшим совершенства в образовании и философии³⁴ и, сознавая в себе уже довольно сил, думаешь обратиться к большему; находясь еще в таком возрасте³⁵, на-

³³ Или откуда Менексен? ἢ πόθεν Μενέξενος. Здесь именительный Μενέξενος употреблен отнюдь не вместо звательного, а так, как бы подразумевающийся глагол стоял в третьем лице. Подобным образом у Горация (Serm. II, 4, 1): unde et quo Catus? Поэтому пред Μενέξενος не должно быть запятой.

³⁴ Под словом «философия» в этом месте разумеется образование ума вообще науками и искусствами, которых изучение приготавливало афинского гражданина к принятию участия в делах общественных. В этом смысле и Исократ (ad Demonic. p. 4, ed. Reisk.) употребляет слово: φιλοσοφεῖν: «Ты желаешь образования, а я берусь образовать других. У тебя есть способность философствовать, а я поправляю философов».

³⁵ Находясь еще в таком возрасте, τῆλικούτος ὄν. Афинские юноши, выслушав те науки, которые преподаваемы были отрочеству, на 18-м году почитаемы были уже эфебами и поступали в разряд граждан, способных носить оружие (ληξιαρχικοί). С этого времени они начинали пользоваться правами общественных деятелей, им позволялось жениться, входить в суд, принимать наследство,

мереваешься, почтеннейший, начальствовать над нами, стариками, чтобы ваш дом³⁶ никогда не переставал давать нам какого-нибудь попечителя.

Мен. Постараюсь, если только ты позволишь, Сократ, и посоветуешь начальствовать; а когда нет – не будет этого. Теперь же я ходил в совет, получив известие, что там намерены были избрать человека, имеющего говорить на случай³⁷ убитых в сражении воинов. Ведь ты знаешь, что готовится им торжественное погребение³⁸.

Сокр. Конечно; кого же избрали³⁹?

обвинять других и пр. Но участвовать в народных собраниях могли они, кажется, не прежде 20-го года (*Platner. Symbol. ad jus Attic., p. 172 sqq.*). Из этого видно, в каком возрасте находился Менексен, вступивший теперь в разговор с Сократом.

³⁶ *Ваш дом.* Менексен был сын Димофона пеанийского, как это видно из Платонова Лизиса (р. 206 D), где упоминается о двоюродном брате Менексена, Ктизиппе. Вместе с этим Ктизиппом Менексен был в темнице Сократа в день его смерти (см. *Phaed. p. 59 B*). Отсюда видно, что он принадлежал к числу самых преданных учеников сына Софронискова, и потому несколько не странны дальнейшие его слова: «Постараюсь, если только ты позволишь».

³⁷ ...имеющего говорить на случай убитых в сражении воинов, ἐρεῖ ἐπὶ τοῖς ἀλοθανοῦσι. Небесполезно заметить особенное сочинение глагола ἐρεῖν с предлогом ἐπὶ. Ἐρεῖν или λέγειν ἐπὶ τινί – значит стать на что-нибудь и говорить о том, на чем стоишь. Отсюда λόγοι ἐπιτάφιοι... Отсюда у нас: *слово на день...*

³⁸ *Готовится торжественное погребение, μέλλουσι ταφὰς ποιεῖν.* Этого выражения не должно смешивать с глаголом θάπτειν: ταφὰς ποιοῦσι – старейшины, утверждающие погребальную церемонию, а θάπτουσι – те, которые погребают или закапывают тело. Здесь указывается на афинский закон ежегодно совершать торжественное поминовение по убитым в сражениях воинам. *Thucyd. II, 34.*

³⁹ *Кого же избрали?* Ораторов, для произнесения речей на торжественные слу-

Мен. Никого; отложили на завтра. Впрочем, будет избран, думаю, Архин либо Дион⁴⁰.

Сокр. Так-то вот, Менексен, должно быть, по многим причинам хорошо умереть на войне: и погребение сделают прекрасное и пышное, хотя бы кто умер бедняком, и почтут похвалами, хотя бы был человеком пустым. А будут хвалить мужи мудрые и хвалящие не наобум, но приготовляющие речи задолго⁴¹; и хвалят они так хорошо, что говорят все, что к кому идет и не идет, и, как-то изящно расцвечивая речь словами, обвораживают наши души. Они всячески превозносят и город, и умерших на войне, и всех прежних наших предков, и нас самих, еще продолжающих жить; так что, хвалимый ими, я, Менексен, сильно возношусь духом и каждый раз, слушая их, стою как очарованный: мне представляется, что в ту минуту я сделался и больше, и благороднее, и прекраснее. Притом за мной почти всегда следует и вместе со мной слушает толпа иностранцев, и я тогда бываю для них почтеннее; ибо, убеждаемые говорящим, и они, мне кажется, таким же образом смотрят как на меня, так и на весь город,

чай, в Афинах избирали сенаторы и народ. *Demosth. de coron.* p. 320, edit. Reisk.

⁴⁰ Об этих ораторах упоминает также *Dionysius de admir.* vi *Demosth.* p. 1627. Из Архиновой надгробной речи многое внес в свой панигирик Исократ. По крайней мере, об этом свидетельствует *Photius* (cod. CCLX, p. 794 et p. 490).

⁴¹ *Приготовляющие речи задолго.* Эта похвала ораторам есть колкая насмешка над теми из них, которые, желая пощеголять своими речами в торжественных собраниях, писали их задолго так, чтобы онигодились на всякий случай, т. е. наполняли их похвалами афинскому народу и общими местами, делали множество эпизодов и пестрили свое слово вычурными оборотами и выражениями.

то есть почитают его более удивительным, чем прежде. И эта почетность остается при мне более трех дней: речь и голос говорящего такой флейтой звучат в ушах, что едва на четвертый или на пятый день я бываю в состоянии опомниться и почувствовать, где я на земле, а до того времени думаю только, не на островах ли я блаженных душ. Так ловки у нас риторы!

Мен. Ты, Сократ, всегда шутишь над риторками. Впрочем, тот, кого изберут теперь, будет говорить, думаю, не слишком свободно, потому что избрание совершится вовсе неожиданно⁴², так что говорящему, может быть, необходимо будет говорить прямо, без приготовления.

Сокр. С чего ты⁴³ взял, добряк? У каждого из них речи заранее готовы; да об этом-то и без приготовления говорить нетрудно. Вот если бы надлежало хвалить афинян

⁴² Совершится неожиданно, ἐξ ὑπογυίου γέγονεν. Grammaticus Beckeri anecdot. I, p. 313, ὑπόγυιον: τὸ παρατύκτα μέλλον γίνεσθαι. *Eustath.* ad Iliad. v. 61, 920, 32: δῆλον δε, ὅτι παρὰ τὰ γυία, ὃ τὰς χεῖρας ἰδίᾳ δηλοῖ πολλαχοῦ γίγνεται καὶ ἡ ἐγγύη, ἡ ὡσανεὶ ἐν χερσὶ τιθεῖσα τὸ κατεγγυηθέν, καὶ τὸ ὑπόγυιον, ὃ ἐξ ὑπογύου λέγεται, τὸ ἐγγύς; φασί, προσδόκιμον ἢ παρατύκτα γεγονός καὶ, ὡς εἰπεῖν, πρόχειρον, ἢ μάλλον ὑπόχειριον. *Etymol. Magna:* ὑπόγυιον, παρὰ τὸ γυίον, ὃ σημαίνει τὸ μέλος, οἷον τὸ ἐγγύς τῶν μελῶν, ἢ ἀπὸ τοῦ γυία, ὃ σημαίνει τὰς χεῖρας. Впрочем, смысл этого выражения был бы еще яснее, если бы вместо ἐξ ὑπογύου стояло ἐξ ὑπογείου; по крайней мере, русская поговорка *явиться как из-под земли* выражает такую же неожиданность явления.

⁴³ С чего ты взял, добряк, πόθεν, ὃ γαθέ; Штальбом неправильно замечает, что этот вопрос имеет здесь значение отрицательное, как у римлян, *quid ita?* Наречия πόθεν в этом смысле греки не употребляли. Здесь обыкновенное опущение глагола λαμβάνειν. Πόθεν ἔλαβες, ὃ γαθέ.

в Лакедемонне или лакедемонян в Афинах, то, конечно, нужен был бы ритор добрый, умеющий убедить и представить предмет в хорошем виде; а кто подвизается среди тех, кого хвалит, – тому хорошо говорить, кажется, дело невеликое⁴⁴.

Мен. Думаешь, нет, Сократ?

Сокр. Конечно нет, клянусь Зевсом.

Мен. А думаешь ли, что ты был бы в состоянии сам сказать, если бы надлежало и совет избрал тебя?

Сокр. Да мне-то, Менексен, нисколько не удивительно быть в состоянии сказать, потому что у меня была не слишком плохая учительница риторики, а такая, которая сделала добрыми риторам и многих других, и одного отличнейшего из Эллинов – Перикла, сына Ксантиппова⁴⁵.

Мен. Кто же она? Впрочем, явно, что ты говоришь об Аспазии.

⁴⁴ Сократ высказывает ту мысль, что человек, плохо знающий свое дело, помогает своему невежеству похвалами людям, которые должны быть его ценителями. Похвала им есть обаяние, или очарование их рассудка – нравственный опиум, под усыпительным влиянием которого людям хвалимым и самое глупое кажется чрезвычайно умным, и самое постыдное представляется редкой добродетелью.

⁴⁵ Все это, конечно, должно понимать как шутку, которой Сократ искусно прикрывает свой догматизм, выдавая себя за ученика Аспазии в науке красноречия. Так разумел настоящие слова Платона и Плутарх (vit. Per. T. 1, p. 638 B): ἐν δὲ τῷ Μενεξένῳ τῷ Πλάτωνος εἰ καὶ μετὰ παιδιᾶς τὰ πρῶτα γέγραπται, τοσοῦτόν γε ἱστορίας ἐνέστιν, ὅτι δόξαν εἶχε τὸ γύναιον ἐπὶ ρητορικῇ πολλοῖς Ἀθηναίων ὀμιλεῖν. Об Аспазии, женщине редкой красоты и гибкого ума, упоминает и Ксенофонт (Mem. II, 6) и называет ее учительницей Перикла и Сократа, но, конечно, иронически, Weiskius ad loc. Xenoph. Memorab. Впрочем, сравн. Max. Tyr. XXIV, p. 461. XXXVIII, p. 225.

Сокр. Говорю также и о Конне⁴⁶, сыне Митровиевом. Они оба были моими учителями. Последний учил меня музыке, а первая риторике. Так человеку, таким образом воспитанному, нисколько не удивительно быть сильным в слове. Нет, и тот, кто воспитан хуже меня, кто музыке учился у Лампра, а риторике – у Антифона рамнусийского, – и тот, однако ж, был бы в состоянии прославить афинян-то, хваля их среди афинян.

Мен. Что же имел бы ты сказать, если бы надлежало тебе говорить?

Сокр. Сам по себе, может быть, ничего. Но я только вчера слышал, как Аспазия произнесла надгробную речь на этот

⁴⁶ Конна Сократ и в Эвтидеме (р. 272) называет своим учителем музыки и как там, так и здесь говорит о нем иронически. Шлейермахеру кажется странным, зачем Сократу, говоря о своей учительнице риторики, вздумалось вспомнить и о своем учителе музыки. Это представляется ему до того нелепым, что он первую, или разговорную, часть Менексена почитает подложной – заключение слишком скорое и опрометчивое. Я думаю, напротив, что Сократу не было ничего естественнее, как по Аспазии, *per combinationem idearum*, вспомнить о Конне, так как обе эти личности представлял он своими наставниками и обе делал предметом одной и той же иронии. Но что его мнение об этих лицах надобно разуметь в смысле ироническом, видно даже и из того, что Аспазию ставит он выше Антифона, а Конна – выше Лампра; тогда как известно, что Лампр во всей Греции почитаем был музыкантом превосходнейшим. *C. Nepot. Eraminond. c. 2. Plutarch. de music. T. II, p. 1142. Athen. II, 6.* Посему несправедливо порицает Платона и Атеней (XI, р. 506), будто он в этом месте унижает Лампра и Антифона; между тем как о них имел высокое понятие и Фукидид (I. VIII, с. 68). Принимая сравнение Сократа в смысле ироническом, мы видим, что Платон не только не унижает этих мужей, а напротив, знаменитость их понимает как дело уже известное, запечатленное общим приговором всей Греции.

самый случай. Ведь и она слышала о том, что ты говоришь, то есть что афиняне намерены избрать человека для произведения речи, и частью мне тогда же объяснила, что надобно говорить, частью указала на прежний опыт исследования, когда слагала ту надгробную речь, которую произнес Перикл, склеив некоторые из ней отрывки.

Мен. А помнишь ли ты, что говорила Аспазия?

Сокр. Чтобы мне не помнить⁴⁷? Ведь когда я учился у нее, тогда за свою забывчивость едва ли не получал ударов.

Мен. Почему же бы тебе не пересказать?

Сокр. Да как бы не рассердилась на меня учительница, если перескажу ее речь.

Мен. Нисколько⁴⁸, Сократ; скажи, и ты доставишь мне большое удовольствие – Аспазииной ли угодно тебе почитать эту речь, или чьей бы то ни было – только скажи.

Сокр. Но, может быть, ты будешь смеяться надо мной, если тебе покажется, что я, старик, еще ребячусь⁴⁹.

Мен. Нисколько, Сократ; непременно скажи.

Сокр. Да уж надобно доставить тебе это удовольствие –

⁴⁷ *Чтобы мне не помнить*, εἰ μὴ ἀδικῶ γάρ, т. е. δίκαιος εἰς τὸ λέγειν. Это – идиотизм, у Платона встречающийся во многих местах. De Rep. X, p. 608 D. Charmid. p. 156 A. По-русски всего ближе соответствует ему простонародное выражение *если не положу на себя охулки*.

⁴⁸ *Нисколько*, μηδαμῶς, то есть ταῦτα δεῖσθης. См. Phædr. p. 236 E.

⁴⁹ *Еще ребячусь*. Здесь глагол παιζειν выражает не шутку – потому что в этом случае шутить было не над чем, – а ребячество, т. е. дело, приличное детям, пересказывающим чужое, передающим кому-нибудь слышанный урок.

почти так же, как я доставил бы тебе его, если бы ты приказал мне раздеться и плясать⁵⁰, потому что мы наедине. Слушай же. Она, если не ошибаюсь, начала свою речь от самих умерших и говорила так: «Они на деле⁵¹ у нас имеют то, что им прилично, что получивши, идут роковым путем, сопровождаемые городом вообще и домашними в частности. Теперь и закон велит, да и должно этим мужам воздать уже последнюю честь речью, ибо память и честь хорошо совершенных дел воздается подвизавшимся посредством прекрасной речи, произносимой слушателям. Но тут требуется какая-нибудь такая речь, которая и достаточно хвалила бы умерших, и благоприятно уговаривала живущих, повелевая детям и братьям подражать их добродетелям, а отцов и ма-

⁵⁰ *Раздеться и плясать*. Ὀρχεῖσθαι значит не просто скакать, но в скаканье сохранять такт или производить движения измеренные. *Jacobs. ad Achill. Tat. 44, 15*. Из этого понятно, что такое *раздевшись, плясать*. *Suidas: Ἀποδύντες ἀντί τοῦ ἀποδυσάμενοι, ἀπό μεταφοράς τῶν ἀθλητῶν, οἱ ἀποδύονται τὴν ἔξωθεν στολήν, ἵνα εὐτόνως χορεύσωσιν*. Поэтому ἀποδύντα ὀρχήσασθαι значит плясать, не обнаживши тело, а только снявши верхнее, широкое платье, чтобы оно не скрывало искусственных движений тела и не препятствовало производить их. Зная это, нельзя без удивления читать мнение Аста о настоящем месте Менексена (*de vita et scriptis Platonis, p. 449*). *Wie kindisch und albern ist es, говорит он, wenn Socrates sagt, dem Menexenus zu gefallen, wolle er selbst nackt tanzen!*

⁵¹ *Они на деле у нас имеют...* С первого взгляда такое начало речи кажется странным, как это заметил еще *Dionys. de compos. verb. T. V, p. 116*, а особенно *de admir. vi Demosth. T. VI, p. 1028 sqq., ed. Reisk*. Но должно заметить, что Сократ с умыслом так начинает свою речь, насмешливо подражая софистическим приемам ораторов, которые установленное законом общественное погребение убитых воинов называли ἔργον. См. *Thucyd. II, 46. Εἴρηται – λόγῳ κατὰ τὸν νόμον, ὅσα εἶχον πρόσφορα – καὶ ἔργῳ οἱ θαπτόμενοι τὰ μὲν ἤδη κεκόσμηνται κ. τ. λ.*

терей и других еще дальнейших предков, если они остаются, услаждая утешениями. Какая же речь показалась бы нам такой? Или с чего правильно было бы начать хвалить доблестных мужей, которые и в жизни радовали своих добродетелью, и смерть выменяли на спасение живущих? Мне кажется, и хвалить их надобно, так как они родились добрыми, т. е. по природе⁵²; а добрыми они родились потому, что родились от добрых. Итак, сперва будем величать их благородство, потом питание и образование⁵³, а затем укажем на совершенные ими дела, сколь прекрасными и достойными своих совершителей оказались они.

Первым основанием их благородства служит род их предков; не пришлый⁵⁴ какой, а потому потомки их оказывают

⁵² *Родились добрыми, то есть по природе.* Греки всегда весьма много приписывали происхождению. От раба, по их убеждению, не могло произойти природы свободной, и наоборот: свободный афинский гражданин по природе рождает детей, способных судить и советовать. Но впоследствии, когда эти советники начали иметь в виду не столько общее, сколько частное свое благо, и когда здравая философия за это укоряла их, они, для оправдания себя, стали уже различать между действиями естественными и действиями законными и говорили, что закон – тиран и что надобно следовать только природе, а голос природы узнавали большей частью по происхождению. То есть кто родился от добрых родителей, тот объявлял право на уважение, как гражданин добрый по природе, а закона и законодателей не хотел знать (*Plat. Gorg.* 491 E. 492).

⁵³ *Питание и образование, τροφήν τε και παιδείαν.* Παιδεία и τροφή различаются как образование и род жизни. См. *Phædr.* p. 107 D. *Phileb.* p. 55 D, *Tim.* p. 19 D, *Crat.* p. 50 D, et al.

⁵⁴ *Не пришлый, οὐκ ἔτληλος,* по объяснению Тимея, οὐκ ἄλλοθεν ἐτελεληθηῶς, τούτ' ἔστιν, οὐχ ὁ ἄλλοεθνῆς.

ся не переселенцами в этой стране, пришедшими откуда-нибудь, а туземцами, которые обитают и живут действительно в отечестве, вскормлены не мачехой, как другие, а матерью⁵⁵ страны, где жили, и теперь, по смерти, лежат⁵⁶ в домашних приютах матери, их родившей, вскормившей и принявшей. Итак, весьма справедливо наперед почтить эту мать, ибо таким образом будет почтено вместе и благородство ее сынов. Эта страна достойна того, чтоб ее хвалили все люди, а не мы одни, – достойна и по другим многим причинам, но по первой и величайшей причине той, что она любима богами. А что слово наше верно, свидетельствуют распря и суд состязавшихся за нее богов⁵⁷. Если же и боги хвалили ее, то не будет ли справедливо хвалить ее всем людям? Вторая похвала ей по праву та, что в те времена, когда вся земля производила и рождала различных животных, зверей и быков, наша страна не выводила на свет диких зве-

⁵⁵ *Вскормлены не мачехой, как другие, а матерью страны.* Этим гордились многие из афинян. *Isocrat. Paneg.* с. 4: *μόνοις γάρ ἡμῶν τῶν Ἑλλήνων τὴν αὐτὴν τροφὸν καὶ πατρίδα καὶ μητέρα καλέσαι προσήκει.*

⁵⁶ *По смерти лежат, κείσθαι τελευτήσαντας.* Здесь неокончательное стоит вместо будущего причастия, которое в глаголе κείμαι не употреблялось. Надлежало бы сказать *κεισομένων τελευτήσαντας* или *τελευτήσαντας, ἵνα κείσῃσι.* Но и эта форма также неупотребительна.

⁵⁷ *Суд состязавшихся за нее богов.* Ораторы, говоря об афинских древностях, в угоду своим гражданам любили смешивать человеческое с божеским, историческое с мифическим и составили множество дивных басен о начале афинского народа. *Lucian. Philos. pseud.* p. 328, Т. II. О споре Минервы и Нептуна за красоту Афин см. *Ovid. Metamorph.* VI, v. 70 sqq.

рей и являлась чистой; из животных выбрала и родила она человека – животное, превышающее всех прочих разумением и одно признающее правду и богов. Великая сила этого слова состоит в том, что та же земля произвела их и наших предков, ибо все рождающее имеет пищу, годную для того, что от него рождается⁵⁸. По тому узнается и женщина, действительно ли родила она или не родила, а только подложена, что для рожденного она не имеет источника пищи. Так это-то удовлетворительное доказательство представляет и наша земля – наша мать, что ей рождены люди; так как она одна и первая в то время произвела человеческую пищу – пшеницу и ячмень, чем прекрасно и в совершенстве питается человеческий род, доказывая, что родила это животное действительно она. Такие доказательства еще более надобно прилагать к земле, чем к женщине, потому что в беременности и рождении не земля подражает женщине, а женщина – земле. И на этот плод земля наша не скупилась, но уделяла его и другим; а потом своему порождению даровала новое порождение, масло – помощь в трудах. Вскормивши же и вырастивши его до совершеннолетия, она привела к нему правителей и учителей – богов, которых имена здесь можно пропустить, ибо мы знаем, что они устроили нашу жизнь, преподав нам первым для ежедневных нужд искусства и научив нас для охранения страны приобретать и употреблять

⁵⁸ Такое же доказательство приводили и древние египтяне в подтверждение своего убеждения, что первый человек родился в Египте. *Justin*. II, 1.

оружие.

Быв рождены и таким образом воспитаны, предки этих умерших жили в устроенной форме правления, о которой следует кратко упомянуть, потому что форма правления есть пища людей – хорошая добрым, а противная злым. Итак, необходимо показать, что жившие прежде нас вскормлены в форме правления хорошей, что через нее и те были добры, и нынешние, к числу которых относятся также умершие. Ведь форма правления и тогда, и теперь – та же самая, аристократическая⁵⁹, которой мы и ныне управляемся, и по большей части⁶⁰ управлялись во все время. А называет ее тот – демократией, другой – как ему угодно; поистине же, это – аристократия, соединенная с одобрением народа. Ведь у нас хотя всегда есть цари⁶¹, однако ж они бывают то при-

⁵⁹ *Форма правления аристократическая.* Аристократия у греков имела не такое значение, какое она получила впоследствии. Нашу аристократию можно назвать фамильной и наследственной; напротив, аристократия греческая была личная и определялась избранием. У нас аристократизм находится под покровительством престола, а в Греции он покровительствуем был народным собранием. De Rep. IV, p. 445 E. VIII, p. 545 D. Legg. III, p. 681 D. *Göding.* oratio de Aristocrazia veterum in act. Acad. Jenens. Vol. I, p. 166 sqq. Посему Фукидид (Libr. II, 37), подобно многим другим, эту форму правления называл демократией, хотя в существе дела не разногласил с Платоном, ибо говорил, что афинская республика управляема была не теми, которые знамениты были по своему происхождению, а теми, которые отличались личными достоинствами, отчего доступ к правительственным местам открывался не одним богатым, но и бедным гражданам.

⁶⁰ *По большей части,* ибо известно, что форма правления в афинской республике иногда изменялась, как это было во времена тридцати тиранов.

⁶¹ *Хотя всегда есть цари.* Царем в Греции назывался архонт, заведовавший

родные, то избранные. Предрержающая сила города есть народная сходка; а начальствование и власть она всегда вверяет тем, которые кажутся наилучшими, и никто не отвергается ни по слабости, ни по бедности, ни по незнатности отцов, равно и человек с противными качествами не удостоивается чести, как это бывает в других городах. Здесь одно определение – получать власть и начальство прослывшему мудрым и добрым. Причина же такой формы правления у нас есть равенство рода, ибо прочие города составились из различных и несходных между собой людей, посему и формы правления у них несходны одна с другой: там бывают они тиранские, олигархические – и люди в тех городах живут, почитая себя иные – рабами, иные – господами друг друга. Напротив, мы и наши, родившись все, как братья, от одной матери, не хотим быть ни рабами, ни господами одних других; но равнородство по природе заставляяет нас искать равнозаконности по закону, и никому иному не уступать, разве увлекаясь молвой об уме и доблести.

Таким-то образом отцы их и наши и сами эти, благородные и воспитанные во всякой свободе, проявили много дел прекрасных для всех людей – проявили частно и об-

делами священными и занимавший второе место в совете архонтов. *Tittmann, Darstellung der griechischen Staatsverf.*, p. 257 sqq. Судя по тому, что архонты, по словам Платона, бывали то природные, то избранные, можно думать, что здесь метонимически царями называются все они, то есть архонт природный был царь в собственном смысле слова, а архонты избранные получали имя царей в смысле переносном.

ществом – в той мысли, что для сохранения свободы должно сражаться с греками за греков, а с варварами – за целую Грецию. Теперь мало времени, чтобы достойно рассказать о войне их против Евмолпа⁶², амазонок⁶³ и других, еще прежде угрожавших нашей стране, и о том, как они помогали аргивянам против кадмеян⁶⁴ и ираклидянам против аргивян⁶⁵. О доблести их довольно уже вспоминали и музы-

⁶² Краткое сказание Платона о Евмолпе подробнее раскрывается у Фукидида (II, 15). Фукидид говорит, что Евмолп был вождем элевзинян и вел войну против афинского царя Эрехтея. Эта война называется элевзинской. А Исократ (Paneg. с. 19 и Panath. p. 533) повествует, что Евмолп был сын Нептуна и что под его предводительством фракияне вторглись в Аттику, которая тогда была еще малосильна. То же самое рассказывает и Ликург (*advers. Leogr.* p. 210, T. VI, ed. Reisk.), прибавляя, что царь Эрехтей, по совету дельфийского оракула, для изгнания из земли врагов принес в жертву жену свою Пракситею, дочь Кефисову, каковое злодейство потом воспето было Еврипидом в прекрасных стихах. Исократ упоминает также, что Евмолп принес в Афины элевзинские тайны (Paneg. с. 43).

⁶³ Амазонки, как рассказывает о них Плутарх (*Vit. Thes.*, p. 86, ed. Reisk.), вышли из Понта и, проникнув даже в Аттику, расположили свой лагерь в самых Афинах. Но мужество Тезея вскоре превозмогло их. Об этой войне с амазонками упоминает и Лизиас (*Epitaph.* p. 55, ed. Reisk.) и амазонок называет дочерьми Марса, героинями с великой душой. Однако ж афиняне, по словам Лизиаса, так поразили их, что не осталось и вестницы, которая бы об этом поражении дала знать своему отечеству. Плутарх в приведенном месте говорит также, что амазонки вторглись в Аттику, мстя за Антиопу, которую похитил у них Тезей.

⁶⁴ О войне аргивян против кадмеян или фивян при помощи афинского оружия упоминается у Геродота (IX, 27), а подробнее у Лизиаса (*Laud. funebr.*, p. 59, ed. Reisk.).

⁶⁵ Ираклидянам против аргивян афиняне помогали по тому случаю, что Евристей, потребовав от афинян выдачи сыновей Геркулесовых, которые пользова-

кально всем передали поэты. Если же и мы решились бы прозаическим словом⁶⁶ украшать те же подвиги, то, может быть, явились бы на втором плане. Итак, об этом, по означенной причине, мне кажется, можно умолчать, хотя и это имеет свое достоинство. Но о том, чего не брал за предмет ни один поэт и за что, хваля достойных, не увенчал их достойной славой, что остается в забвении, – о том, мне кажется, надобно вспомнить в похвальной речи и вызвать других, которые бы, соответственно делам, изложили это в одах и в иных стихотворениях. Из дел, о которых я говорю, первое место занимают следующие: когда персы, владея Азией, поработали Европу, тогда удержали их выходцы из здешней страны – предки наши, поэтому справедливость требует вспомнить о них первых и восхвалить их добродетель. Но кто намерен хвалить хорошо, тому надобно говорить, вращаясь своим словом в том времени, в которое вся Азия раболепствовала уже третьему царю. Первый из них, Кир, освободив своим умом сограждан своих, персов, вместе поработил и господ их мидян и овладел прочей Азией до Египта; потом сын его завоевал Египет и Ливию, сколько

лись их покровительством, и получив в том отказ, вторгся с многочисленным войском в Аттику. Впрочем, афиняне встретили его мужественно, и Тезей обратил его в бегство (*Herodot.* I. c. и, *Lysias*, p. 65 sq.)

⁶⁶ *Прозаическим словом*, λόγῳ ψιλῷ. Что λόγος ψιλός есть действительно прозаическая речь, видно из Платонова же выражения λόγους ψιλοῦς εἰς μέτρα τιθέντες. Legg., p. 669 D. Таким же образом μουσικὴν противопоставляется τῇ πεζῇ λέξει. (*Dionis. Halic. de compos. verbor.* c. II.)

она была доступна; третий же, Дарий, сухопутно распространил свое царство до пределов скифских, а на кораблях овладел морем и островами, так что никто не смел противиться ему – поработаны были умы всех людей. Столько-то великих и воинственных народов покорено было персидской монархией! Выдумав предлог, будто мы имели замыслы в отношении к сардам, Дарий обвинял вас и эретрийцев, и, на судах и кораблях, которых было триста, послал пятьсот тысяч войска⁶⁷ под предводительством Датиса, сказав ему, чтобы он, если хочет иметь голову на плечах, на возвратном пути привел пленных эретрийцев и афинян. Приплыв в Эретрию, где из тогдашних эллинов были люди, в военном деле знаменитейшие и немалочисленные, Датис в течение трех⁶⁸ дней овладел ими и проследил всю их страну так, чтобы никто не ушел. Пришедши к пределам Эретрии, воины его протянулись от моря до моря и, схватившись за руки, прошли через всю эту область, чтобы могли сказать царю, что никто из нее не ушел. С таким же намерением из Эретрии прибыли они в Марафон, думая, что им легко будет забрать и афи-

⁶⁷ *Пятьсот тысяч войска.* Эта война есть событие исторически известное. Nepos. Miltiad. c. 4. Но по показанию Непота: hisque (Dati et Artapherni) Darius ducenta peditum, decem millia equitum dedit, тогда как оратор вверяет им до пятидесяти мириад, или до пятисот тысяч войска. Греческие ораторы вообще, когда надлежало возвысить славу победы, любили увеличивать число неприятелей. Lysias p. 82, Reisk.

⁶⁸ *В течение трех дней.* По Геродоту, в течение семи дней (VI, 102). Это опять риторическая гиперболa.

нян, застигнутых той же самой необходимостью, какой и эретрийцы. Между тем как то совершалось, а это предпринималось, никто из эллинов не подавал помощи ни эретрийцам, ни афинянам, кроме лакедемонян. Да и эти пришли в последний день сражения; все же прочие, пораженные страхом, помышляя в настоящее время о собственном спасении, молчали. Вот тогда-то⁶⁹ кто жил бы, так узнал бы, каковы по доблести были марафоняне⁷⁰, встретившие силу варваров, наказавшие⁷¹ за высокомерие всю Азию и поставившие прежде всех варварские трофеи, став вождями и учителями других, что персидская армия была не непобедима и что всякая многочисленность и всякое богатство уступают добродетели⁷².

⁶⁹ *Вот тогда-то кто жил бы*, ἐν τούτῳ δὴ ἂν τις γενόμενος. Так часто употребляется δὴ, когда речь обращается на прежде сказанное. В подобных случаях оно, при меньшей точности выражения, иногда опускается, но заменено быть не может ни заключительным οὖν или ἄρα, ни усиливающим γέ. Apol. Socr. p. 21 A. Sympos. p. 184 E.

⁷⁰ *Каковы марафоняне*, οἱ Μαραθῶνι. Здесь, очевидно, опущен предлог ἐν, и опущение его в подобных случаях бывает нередко; например, ниже p. 241 A. B. al. См. Wernsdorf. ad Himer, p. 58. Schaeff. ad Jambl. Bos. p. 698.

⁷¹ *Наказавшие за высокомерие*, κολασάμενοι τὴν ὑπεροφάνειαν. Не худо заметить здесь употребление κολασάμενοι вместо κολάσαντες. Точно так же в действительном значении принято κολλάζεσθαι. Protag. p. 324 C. Aristoph. Vesp.

⁷² *Что персидская армия... уступают добродетели*. Ὅτι οὐκ ἄμαχος εἶη... πᾶν πλῆθος.... ἄρετῇ ὑλείκει. Здесь при одной и той же зависимости глаголов от союза ὅτι, первый глагол стоит в сослагательном, а другой в изъявительном наклонении, и такое изменение наклонений в одной и той же конструкции случается нередко, например, Tim. p. 18 C. D. Gorg. p. 512 A. Protag. p. 355 A. al. Это происходило оттого, что греки обращали внимание не на внешнюю или грамматическую зависимость глаголов, а на логическое значение зависимых выражений.

Поэтому тех мужей я называю отцами не только наших тел, но и свободы – как нашей, так и всех, живущих на этом материке, ибо, взирая на сие дело, эллины отваживались на опасность и в последующих сражениях за свое спасение и были учениками марафонян. Итак, лучшую дань речи надобно посвятить выдержавшим морское сражение и победившим при Саламине и Артемизии. Ведь о тех мужах иной мог бы рассказать многое: какие выдержали они нападения на суше и на море и как эти нападения были грозны; но я упомяну о том, что кажется мне и того превосходнее и что совершили они вслед за подвижниками в деле марафонском. Марафоняне настолько лишь показали себя эллинам, насколько можно было немногим отразить многих варваров на суше, но на кораблях это было еще неизвестно; шла молва, что персы и по многочисленности, и по богатству, и по искусству, и по силе на море непобедимы. Так то-то именно в сражавшихся тогда на море мужах достойно похвалы, что они рассеяли страх, обуявший эллинов, и заставили их не бояться множества кораблей и людей. Таким-то образом прочим эллинам пришлось принять урок от тех и других – и от пехотинцев марафонских, и от моряков саламинских, – и от тех на суше, а от этих на море научиться и привыкнуть не бояться варваров. Третьим же я называю дело при Платее –

Например, здесь выражение «персидская армия была не непобедима» имеет значение только проблематическое, а выражение «всякое богатство уступает добродетели» есть аподиктическое, и потому глагол ὑπείκειν, несмотря на зависимость свою от ὄτι, поставлен в изъявительном наклонении.

третьим и по порядку, и по доблести из дел, совершенных для спасения греков, но оно было уже общее лакедемонянам и афинянам. Все эти воины отразили великое и страшное бедствие, и за такую свою доблесть теперь нами восхваляются и будут восхваляемы в последующие времена потомками. Впрочем, и после того многие эллинские города были еще на стороне варваров и говорили, что сам царь думает опять приняться за эллинов. Так справедливо будет вспомнить нам и о тех, которые делам первых положили спасительный конец, изгнав все варварское племя и очистив море⁷³. Это были те, которые сражались на море при Евримедоне⁷⁴, вели войну против Кипра⁷⁵, плавали в Египет и во многие другие места. Вспоминая о них, мы должны воздать им благодарность, что они заставили царя опасаться за собственное свое спасение, а не замышлять истребление эллинов.

⁷³ Это сделали афиняне под предводительством Кимона, разбив персов при Платее. Впрочем, здесь оратор, кажется, умышленно является слишком кратким, чтобы не высказать кое-чего для афинян унижительного.

⁷⁴ Эта война происходила в одно и то же время на море и на суше и окончена блистательной победой афинян за 469 лет до Р. Х. Подробно о ней говорит *Thucyd.* I, 100.

⁷⁵ Экспедиция против Кипра была в связи с экспедицией в Египет и продолжалась шесть лет, т. е. от 462 до 457 года. Овладев Кипром, афиняне начали помогать своим оружием египетскому царю Инару, сыну Псамметиха, против персов, но сражались с переменным счастьем, и в продолжение шестилетнего времени весьма многие из них погибли. Наконец Египет занят был персидскими войсками, а Инар, выданный изменой, повешен на кресте. *Thucyd.* I, 104, 109, 110. *Lys. Epitaph.* p. 108.

Но тяжесть этой-то войны против варваров истощила весь город⁷⁶, хотя ведена была им как за себя, так и за прочие одноязычные города. Когда же наступил мир и наш город был почтен, восстала против него (что в отношении к благополучнейшим из людей обыкновенно случается) сперва зависть, а за завистью – ненависть. И это против воли поставило его в войну с эллинами. После сего, по случаю воспламенившейся войны⁷⁷, афиняне вступили в сражение с лакедемонянами при Танагре за свободу Беотии. Сражение колебалось, но последняя битва решила дело: одни отступили и удалились, оставив беотийцев, которым помогали; а наши, на третий день одержав победу при Инофитах, справедливо возвратили несправедливо изгнанных⁷⁸. Они первые после

⁷⁶ *Истощила весь город*, λάση τῆ πόλει διητηλήθη. Хотя это место не представляет различия в чтениях, но член τῆ мне представляется здесь излишним. Член-то именно заставлял некоторых переводчиков выражение λάση τῆ πόλει относить ко всем городам Греции, чего связь мыслей отнюдь не допускает.

⁷⁷ Первая война афинян против греков была с лакедемонянами за свободу беотийцев. Повод к ней подали фиванцы дружеским отношением к Ксерксу и этим навлекли на себя ненависть всех, а особенно беотийцев; потому особенно беотийцев, что фиванцы просили лакедемонян помочь им подчинить некоторые города беотийские. Лакедемоняне с удовольствием обещали это и исполнили обещание, имея в виду то, что облагодетельствованные ими Фивы будут передовым постом в замышлявшейся тогда войне с афинянами. *Diod. Sic. XI, p. 467, ed. Wess.*

⁷⁸ Фукидид об этой войне рассказывает несколько иначе (I, с. 108). Лакедемоняне и их союзники, говорит он, одержали победу над афинянами и после больших потерь на той и другой стороне через Геранею и перешеек возвратились домой. Но афиняне через шестьдесят два дня после сего сражения под предводи-

персидской войны, помогая воюющим за свою свободу эллинам против эллинов, явились мужами доблестными, освободителями тех, кому помогали, и за то легли первые в этом памятнике, которым почтил их город. После того, когда возгорелась война великая⁷⁹ и все эллины, вооружившись против афинян, разоряли их страну и воздавали им недостойную благодарность, наши, победив их в морском сражении и взяв у них в Сфагии лакедемонских военачальников, которых могли бы умертвить, пощадили их, отдали и заключили мир – в той мысли, что с единоплеменниками надобно воевать до победы и не губить общего блага эллинов, потворствуя гордости своего города, а с варварами – до истребления их. Так достойны похвалы мужи, участвовавшие в этой войне и положенные здесь⁸⁰, ибо они показали, что

тельством Мерониса напали на беотийцев и при Инофитах одержали над ними такую блистательную победу, что овладели их землей, разрушили стены Танагры и взяли сто заложников.

⁷⁹ Оратор приступает к повествованию о Пелопоннеской войне и, искусно умалчивая о ходе ее в первые годы, когда для афинян она была неблагоприятна, вдруг переходит к осаде и занятию Сфагии, или Сфактерии, что случилось уже на седьмом году борьбы двух сильнейших республик Эллады, т. е. в 425 году до Р. Х.; а потом тотчас говорит о мире, заключенном после амфиполисской битвы, т. е. в 421 году; о войне же сицилийской упоминает будто об особенной, хотя она, как известно, была только продолжением войны Пелопоннеской.

⁸⁰ *Положенные здесь*. Под этим *здесь* – ἐνθάδε – должно разуметь δημόσιον σῆμα, или, по схолиасту, το καλούμενον κεραμεικόν. Thucyd. II, 34. Керамиком называлось нечто вроде храма, назначенного для всенародного воспоминания об умерших. Название взято от глиняной урны – сосуда, в котором сохраняем был прах умершего.

тот несправедливо сомневается, кто думает, будто в прежней войне против варваров были не те афиняне – лучше нынешних. Да, ими здесь показано, что, когда Эллада волновалась, они, управляя войной, одерживали верх над вождями прочих эллинов и, побеждая их, каждого отдельно, вместе с ними побеждали варваров. Третья война после этого мира была невероятная и ужасная, в которую умерли и легли здесь многие и доблестные мужи. Многие из них поставили множество трофеев в Сицилии, сражаясь за свободу леонтинян, которым помогали, когда, для соблюдения клятвы⁸¹, приплыли в те места, и когда, по далекости плавания, город наш, поставленный в затруднение, не мог поддержать их, и плававшие, от этого пришедши в отчаяние, испытали бедствие. Впрочем, враги⁸² их на войне за свою умеренность и добродетель заслуживают гораздо больше похвалы, чем у иных друзья. Многие также из афинян, в морских сражениях на Геллеспонте, в один день забрали все неприятель-

⁸¹ Афиняне издавна были в союзе с леонтинцами и обязались помогать им. *Thucyd.* III, 86.

⁸² Эти слова оратора о великодушии врагов к разбитым в Сицилии афинянам несколько не оправдываются историей. Афиняне частью истреблены были, частью проданы в рабство: великодушия не оказано никому. Да и странно, с чего бы оратору вздумалось хвалить мессинцев, когда он всячески избегает случаев говорить о чем-нибудь, что тогда делало честь неприятелям отечественного его города. Судя по всему, можно с вероятностью полагать, что эта похвала врагам афинян внесена в текст Платоновой речи чужой рукой. Так думает и *Lörs.* (*Plat. Menexenus*).

ские корабли и одержали много других побед⁸³. А что эту войну я назвал страшной и невероятной, – то назвал потому, что прочие эллины, вступив в состязание с нашим городом, дерзнули отправить послов к враждебнейшему царю, и этого варвара, которого вместе с нами некогда изгнали из Греции, теперь сами по себе опять призывали на эллинов⁸⁴, чтобы против нашего города собрать всех греков и варваров. За то тут-то и открылась его сила и доблесть. Когда полагали, что он сделался жертвой войны и что при Митилене заперт его флот, вдруг – помощь из шестидесяти кораблей; на них восходят эти самые, и – как мужи, по сознанию всех, отличнейшие – побеждают врагов и освобождают⁸⁵ друзей; но, получив жребий недостойный, они не были вытащены из моря, и лежат здесь⁸⁶. О них помнить и их хвалить долж-

⁸³ Говоря о забранных афинянами неприятельских кораблях, оратор понимает корабли лакедемонские, которые посланы были в помощь хиосцам и лесбосцам, замышлявшим отложиться от афинской республики. *Thucyd.* VIII, 9 sqq: явно, что это дело оратором очень преувеличено. Вообще, здесь понимаются победы, одержанные Алкивиадом по возвращении его в отечество из Персии.

⁸⁴ Понимаются, конечно, лакедемоняне, которые по совету изгнанника Алкивиада, жившего в то время в Лакедемонии и управлявшего умами спартанского правительства, вступили в союз с Дарием Нотом и получили от него деньги на постройку флота, чтобы действовать им против афинян. *Thucyd.* VIII, 15.

⁸⁵ Здесь оратор говорит о победе афинян при Аргинусских островах, когда афинский полководец Конон, желая подать помощь Мефимне, вступил в митиленскую гавань, но, запертый в ней с сорока кораблями неприятельским флотом, сразился с лакедемонским вождем Калликратидом и разбил его. *Xenoph.* Hellen. I, 6, 24. *Diod.* XIII, p. 602.

⁸⁶ *Не были вытащены из моря и лежат здесь.* Ксенофонт (Hellen. I, 6 sq) го-

но всегда, ибо их доблестью мы выиграли не только тогдашнее морское сражение, но и успех дальнейшей войны: через них о нашем городе составилось мнение, что он не может быть побежден и всеми людьми – и это мнение справедливо. Если же наши и были побеждены⁸⁷, то побеждены внутренним несогласием, а не другими. От других-то мы и теперь еще непобедимы, а побеждаем самих себя и побеждены сами от себя. После сего, когда настала тишина и мир⁸⁸ с другими, у нас возгорелась такая война домашняя⁸⁹, что

ворит, что афиняне, павшие в сражении при Аргинусских островах, вопреки тогдашнему обычаю греков, не вытаснены были из моря, и за то многие из афинских полководцев были казнены. Между тем оратор, подтверждая это же самое, говорит, однако ж, что невытасненные лежат здесь (в керамике). Чтобы освободить текст от столь явного противоречия, Готтлебер полагает, что пред глаголом κείνται пропущено οὐ, а Штальбом думает, что слова οὐκ ἀναίρεθέντες ἐκ τῆς θαλάττης либо произошли от глоссемы, либо выражают шуточный ὄζυμωρον самого оратора. Но эти ученые критики, конечно, не обратили внимания на приведенные нами в предисловии к диалогу слова Фукидида, что в керамик приносим был один покрытый одр – для тех умерших воинов, которых тела не были найдены на поле битвы. Смотря на этот одр, оратор мог представлять лежащими на нем кости тех афинян, которых тела не были вытаснены из моря.

⁸⁷ Намекает на поражение афинян лакедемонским полководцем Лизандром при Эгос-Потамосе. Намек легкий, нисколько не останавливающий внимания слушателей – даже не указывается место битвы. Так неприятно было афинянам говорить и слышать о своих поражениях.

⁸⁸ Оратор указывает на постыдный мир со Спартой, по условиям которого афиняне должны были разрушить свои стены, свою гавань и не иметь у себя больше двенадцати кораблей. *Xenoph.* H. Gr. II, p. 68.

⁸⁹ Оратор говорит о междоусобной войне, которую вел Тразибул против тридцати тиранов, или нового правительства, установленного согласно с условиями мира, заключенного со спартанцами. *Xenoph.* H. Gr. 3. *Diod.* XIV, 661.

если бы людям суждено было возмущаться, то всякий желал бы, чтобы его город страдал не иначе, как этой болезнью, ибо с каким удовольствием и дружеским расположением соединились между собой граждане и из Пирея, и из частей городских и, сверх чаяния прочих эллинов, прекратили войну против возмутителей элевзинских⁹⁰! И причина всего этого не иная, как сродность, не словом, а делом доставляющая твердое и, по единоплеменности, братское дружество. Итак, надобно иметь память и об умерших друг от друга во время сей войны и просить их, как можем, молитвами и жертвами, чтобы лежащие здесь побежденные примирились с победившими, если только мы сами восстановили мир между собой, ибо не злобой взаимной и не враждой были они затронуты, а несчастьем. Мы, живущие, – сами свидетели этих бедствий. Принадлежа к тому же роду, к которому и они, мы прощаем один другому, что сделали и что потерпели. После сего наступил у нас совершенный мир, и город наслаждался тишиной. Он простил варварам, которые, довольно пострадав от него, недостаточно отместили за себя; но на эллинов досадовал, помня, как, быв им благодетельствованы, они отблагодарили его, когда, соединившись с варварами, истребили его флот⁹¹, который спас их, и разрушили стены –

⁹⁰ *Против возмутителей элевзинских*. Потому что тридцать олигархов, быв изгнаны из Афин, ушли в Элевзину и там старались собрать себе войско. *Xenoph. I, 1 Nepos Tras. 2, 3.*

⁹¹ Предписав мир афинянам, Лизандр по условиям этого мира взял афинский флот и, при рукоплесканиях и радостных кликах своих союзников, сжег его. *Plut.*

за то, что мы отклонили разрушение их стен. Поэтому наш город положил в мысли не защищать эллинов – эллины ли будут поработать их или варвары – и так жил. Между тем как мы держались такой мысли, лакедемоняне подумали, что мы, покровители свободы, пали, а потому теперь их дело – поработить других, и начали это. Но для чего долго рассказывать? Ведь не древние и не за много лет случившиеся события стали бы мы припоминать после этого. Сами знаем, как первые из эллинов – аргивяне, беотийцы, коринфяне – пораженные страхом, приходили просить защиты у города; и что всего удивительнее, даже сам царь находился в таком затруднении, что не оставалось ему ниоткуда более ожидать спасения, как от того города, который прежде старался он погубить⁹². И вот, если бы кто захотел справедливо осуждать наш город, то в осуждение его мог бы справедливо сказать только то, что он всегда слишком сострадателен и попечи-

v. *Lis.* с.15.

⁹² Те события, которые здесь понимает оратор, выставлены им в таком свете, что более благоприятствуют афинянам, чем исторической истине. Дело было так: лакедемоняне, желая помочь Киру Младшему против законного государя Персии, Артаксеркса II, послали ему, под предводительством Агезилая, значительный вспомогательный корпус. Артаксеркс, не имея сил противостоять этому войску, решил действовать на греков деньгами. Он отправил большие суммы разным греческим республикам и побудил их поднять союзную войну против спартанцев, чтобы через то отвлечь Агезилая от его цели в Азии. Этот маневр Артаксеркса удался совершенно: аргивяне, беотийцы, коринфяне и афиняне объявили Спарте войну и вели ее очень успешно. Спартанцы, видя, что им не справиться с союзниками, вызвали из Азии Агезилая, который, возвратившись, остановил на суше успехи неприятелей.

телен о слабом. Так-то и в тогдашнее время не в состоянии был он утерпеть и устоять в своем слове – не помогать никому поработавшему, кто обижал его, но склонялся и помогал и, подав помощь эллинам, избавил их от рабства, так что они были свободными до тех пор, пока не поработили сами себя; помочь же царю он не отважился, стыдясь трофеев Марафона, Саламина и Платеи, а позволил только ссылочным⁹³ и наемникам идти к нему на помощь и, бесспорно, спас его. Потом, восстановив стены и построив флот, он ожидал войны и, когда принужден был воевать, вступил в войну с лакедемонянами за парийцев⁹⁴.

Видя, что лакедемоняне избегают морского сражения с нашим городом, царь стал бояться его и старался отторгнуть от союза с ним живущих на материке эллинов, которых прежде предали ему лакедемоняне⁹⁵, и за это обещался по-

⁹³ Это, без сомнения, надобно относить к Конону, который, быв изгнан из Афин, тем не менее заботился об освобождении своего отечества и, отправившись к Фарнабазу, с помощью его рассеял флот лакедемонян.

⁹⁴ Ни история, ни география древнегреческого мира не решает, что это были за парийцы, за свободу которых Конон воевал против Спарты. Филологи разным образом изменяли и объясняли слово *париец*: по мнению *Дальмана* (I. с. р. 33), этим указывается на опустошение *Ферары*, лакедемонской колонии в Мессинии. (*Xenoph. Hellen. IV, 8, 7*), произведенное Кононом и Фарнабазом. Но вероятнейшей кажется догадка Шенборна (*Ueber das Verhältniss von Platons Menexenos zu dem eпитaphios des Lysias p. XI*), что вместо ὑπὲρ Παρίων ἐπολέμει надобно читать ὑπὲρ πάντων ἐπολέμει.

⁹⁵ Это предательство греков, живших в Малой Азии, персидскому царю совершено лакедемонянами через Анталкида, чтобы положить предел успехам Конона на море – поступок, оставивший самое черное пятно на политическом харак-

могать своим оружием как нам, так и всем нашим союзникам; а так как на это они не согласятся, то и думал в этом найти предлог к восстанию. Но прочие союзники обманули его ожидания: они соглашались предать ему живущих на материке эллинов; коринфяне, аригивяне, беоттийцы и другие условились и поклялись в этом, если он даст им денег – одни только мы не дерзнули⁹⁶ ни продать своих единоплеменников, ни поклясться. Так-то вот благороден, свободен, тверд, неиспорчен и по природе враждебен варварам наш город! Это – эллины чистые, без примеси стихии варварской. Не пелопсыне, не кадмейцы, не египтяне, не данайцы и не другие, по природе варварские, а по закону эллинские племена живут с нами – но самые эллины, не смешавшиеся с варварами. Отсюда нашему городу врождена чистая ненависть к природе чуждой. Однако ж, не согласившись совершить постыдное и нечестивое дело – предать эллинов варварам, – мы опять остались одни: только теперь, пришедши в такие обстоятельства, в которых прежде были побеждены, при помощи божией лучше повели войну, чем тогда; ибо, имея корабли и сте-

тере Спарги.

⁹⁶ Эту твердость и честность афинского народа в отношении к анталкидскому договору историки мало ценят или, по крайней мере, обходят молчанием; а между тем здесь-то именно положено семя последующих несогласий и войн между греками. Говорят, что одни фиванцы отказались принять условия анталкидского договора, но и те после согласились (Лоренц I, 243), а о решительном несогласии афинян не говорят ни слова.

ны⁹⁷, сохранили от войны и наши колонии. С какой охотой старались отделаться от нее и наши неприятели! Впрочем, она тоже лишила нас мужей доблестных, из которых одни погибли в Коринфе от местных неудобств, другие – в Лехее – от предательства⁹⁸. Доблестны были и освободившие царя, и прогнавшие с моря⁹⁹ лакедемонян. Я напоминаю вам об этих мужах, а вы должны восхвалить и украсить их память.

О делах таких мужей, каковы здесь лежащие, равно как и о других, сколько ни умерло их за отечество, говорено уже было много прекрасных речей, но остается еще более – прекраснейших, ибо не достало бы многих дней и ночей тому,

⁹⁷ Восстановление афинских стен произведено не по силе анталкидского договора, а независимо от него. Стены восстановлены Кононом с помощью войск Фарнабаза и афинских союзников в Греции, особенно фиванцев.

⁹⁸ Это предательство произошло следующим образом. Благоразумнейшие из коринфян не советовали вступать в войну с лакедемонянами и желали сохранить мир, чтобы не лишиться плодов от засеянных полей. Узнав об этом, аргивяне, беотийцы и афиняне стали бояться, как бы коринфяне опять не перешли на сторону лакедемонян, и тайно умертвили главных защитников мира, а пятьдесят человек из них сослали (*Diod. XIV*, р. 709). Сосланные пришли к лакедемонскому вождю Приксиле и взялись провести его с войском внутрь стен, прилежащих к коринфскому порту Лехее. Получив его согласие, они в одну ночь приплыли к берегу и заняли это место (*Xenoph Ages.* с. 2). Тогда беотийцы и афиняне с аргивянами и коринфянами придвинули свои войска к Лехее и тотчас вторгнулись в форт. Но лакедемоняне мужественно отразили их и удалились победителями. (*Xenoph. Hellen. IV*, 2 et 4. *Diod. XII*, 33.)

⁹⁹ Говорится о Кононе и Тимофее, которые разбили лакедемонский флот при Книде и возвратили афинянам владычество на море. *Nepos Corn.* 4.

кто захотел бы проследить все это. Итак, всякий человек¹⁰⁰, помня о них, должен передавать их потомкам, чтобы они на войне не оставляли места своих предков и не отступали назад, побеждаемые злом. Да я и сам, о дети мужей доблестных, как теперь прошу, так и в другое время, когда бы ни случилось встретиться с вами, буду просить вас, буду напоминать и приказывать вам, чтобы вы были людьми самыми отличными. Теперь же считаю долгом сказать то, что внушали нам отцы передавать остающимся, когда последние будут в опасности подвергнуться какому-нибудь бедствию. Я выскажу вам, что слышал от них самих и что сами они, если бы могли, судя по тогдашним их словам, сказали бы вам. Представляйте же, что они слышат мои завещания. Вот слова их.

Дети, что у вас были родители добрые, о том свидетельствует настоящее торжество. Могли мы худо жить, но предпочли лучше хорошо умереть, прежде чем покрыли бы бесславием вас и позднейших потомков, прежде чем посрамили бы наших отцов и весь прежний род, – предпочли в той мысли, что кто срамит своих, тому жизнь не в жизнь, и что никто ни из людей, ни из богов не будет ему другом – на земле ли он умер или под землей. Итак, помня наши слова, вы, если подвизаетесь и в чем другом, должны подвизаться доблестно, зная, что все стяжания и занятия без этого постыдны

¹⁰⁰ *Всякий человек, помня о них, μεμνημένος... πάντ' ἄνδρα.* Полезно заметить, что *πάντ' ἄνδρα* точно так же бывает употребительно в соединении с множественным, как в иных местах ἑκάστος. *Matth. § 302*, потому что в подобных подлежащих единственного числа всегда разумеются многие подлежащие.

и худы. Ведь ни богатство не доставляет блага тому, кто приобрел его малодушно – ибо такой богатеет другим, а не себе¹⁰¹, – ни красота телесная и сила не к благообразию служат тому, кто труслив и зол, а к безобразию – ибо кто имеет эти свойства, тот становится еще более заметным, когда обнаруживает трусость. Всякое же знание, отдельно от справедливости и другой добродетели, представляется плутовством, а не мудростью¹⁰². Посему и прежде, и после, и во всякое время должны вы усердно стараться, как бы знаменитостью превзойти и нас, и предков. А когда нет – знайте, что если доблестью мы победим вас, эта победа покроет нас стыдом; если же, напротив, будем побеждены вами – это поражение доставит нам счастье. А особенно были бы мы побеждены и вы победили бы нас тогда, когда бы оказались готовыми не злоупотреблять славой предков и не помрачить ее, зная, что для человека, имеющего о себе некоторое понятие, нет ничего постыднее, как выдавать себя почтенным не за себя, а за славу предков. Честь предков¹⁰³ для потомков есть,

¹⁰¹ *Богатеет другим, а не себе*, ἄλλω γὰρ πλουτεῖ, καὶ οὐκ ἑαυτῷ. Это выражение переводят так: «богатеет для другого, а не для себя». Но, принимая во внимание логический смысл речи, я хотел бы понимать его, как бы оно было в форме предложения: ἀπ' ἄλλου γὰρ πλουτεῖ, καὶ οὐκ ἀπ' ἑαυτοῦ. Дательный без предлога можно встречать нередко. Например: Χερσὶν ὑπὸ Πατρόκλοιου δομῆσαι Π. II. 420.

¹⁰² Эту самую мысль буквально выражает Цицерон, *Offic.* 1, 12: *Scientia, quae est remota a justitia, calliditas potius, quam sapientia est appellanda.*

¹⁰³ *Честь предков*, εἶναι τιμὰς γονέων. Все это выражение надобно принимать за нераздельное подлежащее, как бы сказано было: τὸ εἶναι τιμὰς γονέων; тогда

конечно, прекрасное и великолепное сокровище, но пользоваться этим сокровищем их богатства и чести и, по недостатку собственных своих стяжаний и славных дел, не передавать их потомкам – постыдно и малодушно. Если вы будете стараться об этом, то, как друзья наши, когда потребует того неизбежная судьба, перейдете к нам, друзьям; напротив, кто пренебрежет нас и обесчестит, того никто благосклонно не примет. Да будет сказано это нашим детям.

А отцов наших, у кого они есть, и матерей всегда должно увещевать, чтобы они как можно легче переносили случившееся несчастье и не присоединяли своего сетования, ибо умершие не имеют нужды в прибавке плачущих: случившееся бедствие и само будет достаточно для возбуждения слез, – но были здравомысленнее и спокойнее, помня, что чего они просили себе, как величайшего блага, тому самому боги и вняли. Ведь не бессмертия просили они своим детям, а доблести и знаменитости – и дети получили эти величайшие блага. Но, чтобы все в жизни смертного человека выходило по его мыслям, это нелегко. Мужественно переносить несчастья, они, как отцы действительно мужественных детей, и сами покажутся такими же; а поддавшись скорби, возбуждают подозрение, что либо мы дети не этих отцов, либо хвалящие нас ошибаются. Между тем не должно быть ни того ни другого; но те, первые, пусть особенно хвалят нас самым делом, показывая в себе поистине таких отцов,

понятно будет, почему далее стоит καλὸς θησαυρός, а не καλὸν θησαυρόν.

которые являются мужами мужей. Ведь старинная поговорка – *ничего слишком*¹⁰⁴ – кажется, заключает в себе прекрасную мысль, ибо это в самом деле хорошо сказано. У кого все, относящееся к счастью или почти к счастью, зависит от него самого, а не от других людей, которых счастье или несчастье по необходимости увлекает за собой и его судьбу, – того жизнь устроилась превосходно, тот рассудителен, тот мужествен и благоразумен, тот – прибывают ли деньги или дети или убывают – остается верен этой поговорке и, веря ей, не будет слишком ни радоваться, ни печалиться. Этого-то требуем мы от своих, этого хотим и это говорим. Такими выставляем мы теперь и самих себя: не будем слишком ни тревожиться, ни бояться, если бы даже надлежало умереть в эту минуту. Итак, просим и отцов наших, и матерей проводить остальную жизнь с этой самой мыслью и знать, что не слезами и стонами особенно доставят они нам удовольствие – напротив, если умершие сохраняют какое-нибудь чувство в отношении к живущим, этим возбудилось бы в нас скорее неудовольствие, что, тяжело перенося несчастья, они бесчестят себя; тогда как перенося их легко и умеренно, доставили бы нам приятное. Ведь наша жизнь тогда получит уже такую кончину, какая у людей почитается самой лучшей, так что ее приличнее украшать похвалами, чем оплакивать. Пусть они лучше примут на себя попечение

¹⁰⁴ *Ничего слишком*, μηδὲν ἄγαν. Эта поговорка, которую приписывают Хилону, надписана была на дельфийском храме. См. Protag. p. 343 В.

о наших женах и детях, кормят их и на это обратят внимание; а о несчастье пусть забудут и живут как можно лучше, правее и для нас благоприятнее. Для наших от нас довольно этого завещания; городу же приказали бы мы заботиться о наших отцах и детях, последним давая благонравное воспитание, а первым – достойную старцев пищу. Впрочем, знаем, что хотя бы мы и не приказывали, город будет иметь о них достаточную заботливость.

Это-то, дети и родители умерших, поручили нам они возвестить, – и я с наивозможным усердием возвещаю, да и сам прошу за них – прошу одних подражать своим, других – не беспокоиться касательно себя, потому что мы и частно, и обществом будем снабжать вашу старость пищей и иметь о вас попечение, где бы кому ни случилось встретиться с кем-нибудь из таких людей. А что касается до заботливости города о вас, то вы и сами знаете, что законом положено пещись о детях и родителях граждан, умерших на войне, и что предписано высшему правительству¹⁰⁵ отцов их и матерей, преимущественно пред прочими гражданами, охра-

¹⁰⁵ Под высшим правительством разумеется ὁ πολέμαρχος, третий в числе архонтов. На нем лежали все обязанности министра военных дел. Он должен был заботиться не только о средствах ведения войны, но и, по свидетельству Поллукса (VIII, 91, p. 910), о публичных играх в честь убитых, равно как о призрении их детей и родителей. *Wesseling ad Petit.* p. 669. *Ulpian.* in *Timocr.* p. 445: «Ὁ πολέμαρχος, ἐπεμελεῖτο τοῦ τρέφεσθαι ἐκ τοῦ δημοσίου τοὺς παῖδας τῶν ἀποθανόντων γενναίως ἐν τῷ πολέμῳ. *Gottlieb.* Но Мейер (*de Lite Attica* p. 44, not. 47) полагает, что для изъяснения этого места указывать на упомянутого архонта недостаточно.

нять от обид. Детям же город дает совместное воспитание, всемерно стараясь, чтобы они не замечали своего сиротства. Для этого он во время их отрочества становится им сам вместо отца, а когда наконец они достигают мужеского возраста¹⁰⁶, посылает их на родину, украшенных полным вооружением¹⁰⁷, и, передавая их памяти знания отца, дает им орудия отцовской добродетели, вроде предзнаменования, что каждый из них начнет управлять ходом дел у отеческого очага, облеченный оружием силы. А чтить самих умерших го-

¹⁰⁶ *Достигают мужеского возраста*, εἰς ἄνδρος τέλος ἴωσιν, т. е. εἰς ἄνδρας ἐγγράφονται. *Lobeck.*, ad Phrynich. p. 212, поправляет: εἰς ἄνδρας τελέσωσιν. Εἰς ἄνδρας τελεῖν читается *Legg.* XI, p. 924 В. Но исправления тут не требуется. *Loersius* кстати сносит *Epinom.* p. 992 D: εἰς πρεσβυτου τέλος ἀφικόμενος.

¹⁰⁷ Мысль оратора такова: дети воинов, достигнув восемнадцатилетнего возраста, во время публичного праздника τῶν ἐφηβίων (см. *Meurs.* Graciae Feriatae p. 129) вписываются в роспись эфэбов, надевают плащ – знак вступления в звание воина – и носят его до двадцатилетнего возраста. Посему этот плащ и был отличием эфэбов (*Hemsterhus.* ad Poll. X, 164). Приняв его, эфэбы в продолжение первого года упражняются в гимназиях и вместе с тем знакомятся с ходом дел общественных; потом поставляются стражами пирейской крепости или занимают посты вне города и носят имя τῶν περιπόλων (*Terent.* Eun. II, 2, 59, interpr. ad Thucyd. IV, 62. *Petit.* *Legg.* Attic. VIII, 1, p. 654 sq.). Сюда относится замечательный отрывок из Аристотеля у Гарпократиона, p. 241: τὸν δεύτερον ἐνιαυτὸν, ἐκκλησίας ἐν τῷ θεάτρῳ γενομένης ἀποδεξάμενοι τῷ δήμῳ περὶ τὰς τάξεις καὶ λαβόντες ἀσπίδα καὶ δόρυ παρὰ τοῦ δήμου περιπολοῦσι τὴν χώραν καὶ διατρίβουσιν ἐν τοῖς φυλακτηρίοις. После же двадцати лет они получают полное вооружение и поступают на действительную службу. Это полное вооружение – πανοπλίαν – получали и те, которые лишились родителей и воспитывались за счет общества. *Aeschin.* adv. Ctesiph. § 154, p. 372, ed. Brem. Эсхин (de fals. legat. p. 329) говорит, что и он в течение двух лет нес должность стража в крепости.

род никогда не перестает, но ежегодно¹⁰⁸ совершает установленный законом праздник и делает для всех вообще то самое, что частно делается для каждого отдельно. Сверх того, он установил в память их гимнастические, конские и всякие музыкальные¹⁰⁹ игры. Просто сказать: в отношении к умершим отцам он принимает жребий наследника и сына, в отношении к детям – жребий отца, а в отношении к родителям и родственникам – жребий попечителя, и имеет попечение все, обо всех и всегда. Размышляя об этом, надобно спокойнее переносить несчастье, ибо таким образом вы сделаетесь любезнее и умершим, и живущим, и вам будет легко как услуживать, так и принимать услуги. Теперь же и вы, и все прочие, по закону сообщая оплакавши умерших, удалитесь.

¹⁰⁸ Дальман недоумевает, то ли надобно разуметь под этими словами, что подобные торжества совершаемы были каждый год, или они указывают на обычай афинян совершать погребение убитых воинов каждой зимой, последовавшей за тем летом, в которое ведена была война. Вероятнейшим представляется первое мнение, когда этот самый панигирик, как сказано нами во введении, предписано было произносить ежегодно. Впрочем, надобно согласиться, что оратор говорит здесь ὑπερβολικῶς.

¹⁰⁹ *И всякие музыкальные игры*, καὶ μουσικῆς πάσης. Pollux. III, 141: οὐ ράδιον λέγειν ἀγῶνας μουσικούς, ἀλλὰ μουσικῆς. Но почему так? Хотя ἀγῶν μουσικῆς читается Legg. VII, p. 825 A: τοὺς μουσικῆς ἀγῶνας, ib. XII, p. 947 E: ἀγῶνα μουσικῆς αὐτοῖς καὶ γυμνικὸν τε θήσουσιν al.; однако ж нельзя охуждать и другой формы. Thucyd. III, 104: ἀγῶν ἐποεῖτο καὶ γυμνικός καὶ μουσικός; и далее: μούσικὸς ἀγῶν ἦν. Plat. Legg. II, 658 A: εἰ ποτέ τις οὕτως ἀπλῶς ἀγῶνα θεῖη ὄντινοῦν, μηδὲν ἀφορίσας μήτε γυμνικὸν μηθ' ἱππικὸν μήτε μουσικόν; ibid. VIII, p. 828 C: χορούς τε καὶ ἀγῶνας μουσικούς. В рассматриваемом месте неловко было сказать ἀγῶνάς μουσικούς, конечно, от прибавленного слова πάσης.

Вот тебе речь Аспазии мелисийской, Менексен!

Мен. Клянусь Зевсом, Сократ, ты можешь назвать Аспазию очень блаженной, если, будучи женщиной, она в состоянии сочинять такие речи.

Сокр. А если не веришь, следуй мне, и услышишь, как она говорит.

Мен. Часто встречался я с Аспазией, Сократ, и знаю, какова она.

Сокр. Что же? Не удивляешься ей, однако благодаришь ее за эту речь?

Мен. Да и великую за эту речь, Сократ, приношу я благодарность – ей или ему, кто бы ни сказал ее; прежде же многих других, благодарю произнесшего.

Сокр. Хорошо; но не выдай меня, чтобы я и еще произнес тебе много прекрасных ее речей политического содержания.

Мен. Не бойся, не выдам; только произноси.

Сокр. Так и будет.

Эвтидем

Лица разговаривающие: *Критон, Сократ, Эвтидем, Дионисиодор, Клиниас и Ктизипп*

Крит. С кем это, Сократ, разговаривал ты вчера в Ликее? Вы окружены были такой толпой народа, что, подошедши послушать вас, я никак не мог вслушаться в предмет вашего рассуждения; а когда приподнялся на пальцы, мне показалось, что с тобой беседовал какой-то иностранец. Кто он такой?

Сокр. О котором иностранце спрашиваешь ты, Критон? Там был не один, а два.

Крит. Тот, которого я понимаю, сидел третий по правую твою руку, а между вами – маленький сын Аксиоха¹¹⁰, кото-

¹¹⁰ *Сын Аксиоха*, Ἀξιόχου μειράκιον, то есть Клиниас, внук Аксиоха перво-го. τοῦ ἡμετέρου... Κριτοβούλου. Критовул, сын Критона, красавец и любимец Сократа, *Diog. L.* 11. 13, 121. *Plat. Apol.* p. 38. 13. *Phaed.* p. 59, тщеславившийся своей красотой. *Xenoph. symp.* III. 7. IV. 10. V. 1. sqq. Поэтому ἐκεῖνος μὲν σκληφρὸς надобно относить к Клиниасу, а не к Критовулу. Значение слов σκληφρὸς и проφερῆς хорошо определяет Схолиаст: σκληφρὸς, говорит он, ὁ τῷ μὲν χρόνῳ πρεσβύτερος, τῇ δὲ ὄψει νεώτερος доκῶν (это Клиниас) проφερῆς δὲ, τῷ μὲν χρόνῳ νεώτερος, τῇ δὲ ὄψει πρεσβύτερος (это Критовул).

рый, на мой взгляд, очень подрос, так что по возрасту как будто немногим отстает от нашего Критовула, только тот сухощав, а этот полон, красив и хорош лицом.

Сокр. Иностранец, о котором ты спрашиваешь, Критон, был Эвтидем, а по левую руку возле меня сидел брат его, Дионисиодор, и также участвовал в разговоре.

Крит. Я не знаю ни того ни другого, Сократ.

Сокр. Видно, какие-то новые софисты¹¹¹.

Крит. Откуда они? И в чем состоит их мудрость?

Сокр. Родом они, думаю, оттуда же, где и были, то есть из Хиоса¹¹² потом переселились в Туриос, а из Туриоса ушли в нашу сторону и проживают здесь уже много лет. Что же касается до мудрости, о которой ты спрашиваешь, то чудеса, Критон: они все знают! До сих пор я не понимал, что такое всезнайка, а теперь – вот дивные атлеты! Это уже не акарнанские братья¹¹³: те были могучи только телесными сила-

¹¹¹ Слова: *видно, какие-то новые софисты*, καινοί τινες... σοφισταί, по некоторым спискам влагаются в уста Критона, и Штальбом находит это правдоподобным по выражению ὡς ἔοικε, но это выражение не только не препятствует, а, напротив, заставляет относить их к Сократу, потому что оно значит *как видно* или *вероятно*. Гейндорф и Шлейермахер не близко переводят его: ut facile conjici potest, wie du leicht denken kannst.

¹¹² Эти Хиосские выходцы, кажется, присоединились к тем афинянам, которые в 2,84 ол. под предводительством Лампона и Ксенократа переселились из Туриоса. *Diodor.* XI. 90. XII. 7. 10. Впрочем, эмиграции жителей из Туриоса происходили несколько раз, и причинами их были враждебные столкновения турийских партий.

¹¹³ Акарнанские братья, вероятно, были какие-нибудь странствующие геркуле-

ми, а эти, во-первых, люди сильные и по телу в таком роде боя, в котором можно побеждать всех¹¹⁴, потому что мастера не только сами владеть оружием, но за известную плату научить и других тому же; люди сильные ходить и по судам, где лично подвизаются и наставляют охотников говорить и писать судебные речи. Доныне они были искусны только в этом, а теперь уже вполне увенчали свое всепобедительное искусство; доныне по крайней мере один род борьбы оставался у них неиспробованным, а теперь и это так совершенно ими, что никто не в состоянии против них и заикнуться. Вот как сильными сделались они в устных состязаниях и в опровержении всякой мысли, ложная ли она или истинная! Итак, я думаю, Критон, верить себя этим мужам, потому что они обещаются в короткое время сделать и всякого столь же сильным.

Крит. Как, Сократ, разве не пугают тебя лета? Ведь ты уже стар.

Сокр. Нисколько не пугают, Критон. Я имею достаточную и утешительную причину не бояться их. Сами Эвтидем и Ди-

сы, каких много является и ныне. В древности славились и, по необыкновенной силе, высоко ценились акарнанские лошади. Hoffman. Lex. v. Acarnania.

¹¹⁴ В таком роде боя, в котором..., καὶ μάχη, ἤ... Фицин правильно переводит: et eo genere pugnae, quo omnia superantur. Но под этим боем должно разуметь не диалектическую изворотливость, а ὀπλομαχίαν, фехтованье, в котором Эвтидем и Дионисиодор, по преданиям, были весьма искусны. Naase ad Xenoph. de ger. Lacedaem. p. 218 seqq. Сократ, упоминая об их искусстве фехтовать, делает только аллюзию на искусство софистическое и ὀπλομαχίαν соединяет под одним родом: παγκράτιον εἶναι.

онисиодор, можно сказать, уже в старости начали учиться этой мудрости, этому вожделенному для меня искусству состязаться. За год или за два они не были мудрецами. Одного только боюсь: не подать бы повода издеваться над этими иностранцами, как над Конном Митровийским, цитристом, который доньше продолжает учить меня на цитре. Дети, со товарищи мои в его школе, смотря на нас, и меня осмеивают, и Конна называют учителем стариков – как бы не подвергнуть и их такому же поношению. Да может быть, они и сами того же боятся и не вдруг соглашаются принять меня. Я уже подговорил, Критон, некоторых стариков ходить вместе со мной на уроки Конна, других подговорю посещать уроки Эвтидема и Дионисиодора. Да почему бы и тебе, Критон, не быть моим товарищем?¹¹⁵ А для приманки поведем детей твоих: принимая их, они, знаю, будут учить и нас.

Крит. Не мешает, если тебе угодно, Сократ. Но прежде скажи о мудрости этих людей, чтобы знать, чему мы будем учиться у них.

Сокр. Подожди, услышишь. Будто я и не могу сказать, как бы не понял их? Нет, я очень понял, помню и постараюсь пересказать тебе все сначала. По внушению какого-то бога, там, где ты видел меня, то есть в раздевальнице¹¹⁶, сидел я

¹¹⁵ *Почему бы и тебе не быть моим товарищем, καὶ σὺ τί που συμφοῖτα, –* выражение, очевидно, поврежденное. По догадке Аста, надобно бы читать καὶ σὺ δῆλον συμφοιτᾶς; или лучше καὶ σὺ τί οὐ συμφοιτᾶς; *посещай, пожалуйста, и ты.* См. примеч. к Протагору р. 310 А.

¹¹⁶ Эта беседа, как видно из самого диалога, происходила в Ликее. Поэтому

один и уже хотел встать; но вот вдруг – обычное мне знамение, гений¹¹⁷, и я опять сел. Вскоре после того вошли Эвтидем и Дионисиодор с множеством, как мне показалось, учеников своих. Вошедши, они начали прохаживаться в крытой галерее и еще не сделали двух-трех поворотов, как вошел Клиниас, который действительно очень подрос, твое замечание справедливо, а за ним толпа приятелей его и, между прочими, некто Ктизипп Пеанийский, прекрасный и добрый юноша по природе, но задорный по молодости. Клиниас, заметив при самом входе, что я сижу один, подошел прямо ко мне и сел по правую мою руку, как сам ты сказал. Дионисиодор и Эвтидем, увидев его, сперва остановились и разговаривали друг с другом, время от времени поглядывая на нас, а я внимательно наблюдал за ними; потом подошли к нам, и один из них, Эвтидем, сел подле мальчика, а другой подле меня с левой руки, прочие же – кому где случилось. Я поклонился им, так как и прежде по временам видался с ними; потом, обратившись к Клиниасу, сказал:

– Клиниас! Представляю тебе Эвтидема и Дионисиодора, мудрецов в вещах не маловажных, а великих. Они знают все,

Сократ сидел в той комнате, в которой люди, приходившие в Ликей, снимали свои плащи.

¹¹⁷ О значении Сократова гения мы будем иметь случай говорить при разборе «Федра» и других Платоновых бесед; а здесь замечаем только, что Шлейермахер, Гейндорф и Кузен напрасно утверждают, будто Сократ в этом месте упоминает о своем гении иронически. Кто потрудится сравнить тон настоящей его речи с тоном Сократова обращения к гению, например, в Федре, тот не найдет между ними никакого различия.

относящееся к войне, – все, что нужно знать человеку, желающему сделаться искусным полководцем, то есть как располагать и вести войско, как сражаться оружием; они могут также научить, как помогать самому себе в судах в случае какой-нибудь обиды.

Когда я сказал это, Эвтидем и Дионисиодор обнаружили свое неудовольствие, потому что, посмотрев друг на друга, улыбнулись. Потом первый из них примолвил:

– Не этим уже мы серьезно занимаемся, Сократ; такое занятие у нас только между делом.

Тут я изумился и сказал:

– Значит, ваше дело, должно быть, прекрасно, если подобное занятие для вас только безделка. Скажите же, ради богов, в чем состоит это прекрасное упражнение?

– Мы признаем себя способными, Сократ, – отвечал он, – превосходнее и скорее всех преподавать добродетель.

– О, Зевс! – вскричал я. – Какое великое дело! Да где нашли вы это сокровище?¹¹⁸ А я думал о вас так, как сей час же говорил, то есть что вы с особенным искусством действуете оружием, да так и рассказывал о вас. Помнится даже, что и сами вы, в первое время прибытия к нам, объявляли о себе то же. Но если теперь поистине обладаете и этой наукой,

¹¹⁸ *Сокровище*, τὸ ἔρμειον. Известно, что Эрмий почитался божеством путей. Поэтому всякая находка на дороге, принимаема была как дар Эрмия. Теперь Сократ нечаянно, как бы на дороге нашел учителей добродетели, и потому учение их называет τὸ ἔρμειον. Понимая τὸ ἔρμειον в этом смысле, легко заметить всю тонкость Сократовой иронии.

то умилосердитесь¹¹⁹; от души приветствую вас, как богов, и прошу у вас прощения в прежних словах своих. Впрочем, смотрите, Эвтидем и Дионисиодор, правду ли вы сказали? Ведь не удивительно не верить, когда обещаете так много.

– Будь уверен, Сократ, что правду, – отвечали они.

– Поздравляю же вас с таким приобретением гораздо более, чем великого царя с владычеством. Однако ж скажите мне: намерены ли вы объявить всем об этой мудрости или думаете как иначе?

– Для того-то мы и приехали сюда, Сократ, чтобы объявить о себе и учить, кто пожелает учиться.

– О, ручаюсь, что все пожелают, кто не знает вашего искусства! Вот я первый, потом Клиниас, а там Ктизипп и все эти, – сказал я, указывая на друзей Клиниаса.

А они уже очутились вокруг нас: Ктизипп сперва сидел, кажется, далеко от Клиниаса; но, когда Эвтидем, разговаривая со мной, наклонялся вперед, потому что между нами был Клиниас, и заслонял его от Ктизиппа, он, желая смотреть на своего друга и вместе слушать разговор, первый вскочил со своего места и стал против нас. Потом его примеру последовали и другие, обычные приятели Клиниаса и друзья Эвтидема и Дионисиодора. На них-то указал я Эвтидему и при-молвил, что все они готовы учиться. В самом деле, как Кти-

¹¹⁹ Умилосердитесь, ἕλω εἴητον. Так как добродетель, по внутреннему убеждению Сократа, может быть преподаваема только богами, то он обращается к софистам, учителям добродетели, с таким выражением, с каким греки обращались только к богам, когда умоляли их о прощении грехов.

зипп, так и прочие изъявили сильное желание и в один голос просили его показать опыт своей мудрости.

Тогда я сказал:

– Эвтидем и Дионисиодор, как хотите, а надобно и их удовлетворить, и для меня сделать это. Показать себя во многом – дело, конечно, не малое; но скажите мне по крайней мере: того ли только, кто убежден, что должно у вас учиться, можете вы сделать добрым человеком, или и того, кто еще не убежден, потому что вовсе не почитает добродетели предметом науки, а вас – ее учителями? То есть к вашему ли искусству или к иному какому-нибудь относится также знание убедить человека, что добродетель изучима и что вы именно те люди, у которых можно научиться ей самым лучшим образом?

– Точно к нашему, Сократ, – отвечал Дионисиодор.

– Поэтому вы лучше, нежели кто-либо из современников, можете расположить к философии и добродетели?¹²⁰

– Думаем-таки, Сократ.

– Отложите же все прочие рассуждения до другого времени, – сказал я, – а теперь покажите себя только в следующем: доставьте мне и всем присутствующим удовольствие,

¹²⁰ Надобно заметить, что Сократ не допускал различия между философией и добродетелью: любить мудрость, по его мнению, значило любить добродетель; теория и практика у него должны были сливаться в одну жизнь человека. Отсюда бытие и явление бытия в области нравов почитал он такими крайностями, которые уничтожают сами себя и годятся только для софистического тщеславия. См. Харм. введ.

убедите этого мальчика, что должно философствовать и любить добродетель; это к нему, по его возрасту, идет. Я и прочие, здесь находящиеся, сильно желаем, чтобы он был самым лучшим человеком. Перед вами сын Аксиоха, следовательно, внук Алкивиада Старшего и племянник того, который ныне здравствует – имя его Клиниас¹²¹. Так как он молод, то мы опасаемся, чтобы кто-нибудь, предупредив нас, не развратил его и, пользуясь его молодостью, не склонил мыслей его к каким-нибудь другим предметам. Поэтому вы пришли весьма кстати. Если для вас не составит это труда, испытайте нашего мальчика, побеседуйте с ним в нашем присутствии, – почти так говорил я.

На это Эвтидем решительно и смело сказал:

– Какой труд, Сократ; лишь бы юноша согласился отвечать.

– О, к этому-то именно он и привык, – заметил я, – друзья то и дело обращаются с ним, часто спрашивают его и заставляют разговаривать; следовательно, в ответах он будет, вероятно, смел.

Но как бы лучше рассказать тебе, Критон, что за этим последовало? Дело не маловажное – уметь, при повторении, удержать такую необыкновенную мудрость. Приступая к рассказу, не призвать ли и мне на помощь Муз и Мнимо-

¹²¹ *Племянник того, который ныне здравствует*, ἀὐτανεψιὸς τοῦ νῦν ὄντος Ἀλκιβιάδου. Из этих слов Пинзгер заключает, что Платонов Эвтидем написан до изгнания Алкивиада; но греческий текст показывает только то, что, когда Платон писал своего Эвтидема, Алкивиад был еще жив.

сину, как призывают их поэты?

Начал Эвтидем и, помнится, следующим вопросом:

– Клиниас! Какие люди обыкновенно учатся: умные или невежды?

Ребенок, так как вопрос был труден¹²², покраснел и в недоумении посмотрел на меня; а я, видя, что он смешался, сказал:

– Не робей, Клиниас, отвечай смело: то или другое тебе кажется? Может быть, через это получишь великую пользу.

В ту же минуту Дионисиодор наклонился ко мне почти на ухо с комической улыбкой и молвил:

– Предсказываю тебе, Сократ, что как ни ответит дитя, во всяком случае будет обличено в ошибке¹²³.

Между тем Клиниас уже отвечал, так что мне более не нужно было возбуждать его к смелости; он отвечал, что учатся умные.

¹²² Так как вопрос был труден, ἄτε μεγάλου ὄντος... Μεγάλου здесь то же что χαλεποῦ, равно как латинское magna quæstio есть difficilis quæstio. См. Hipp. mai. p. 287. В. οὐ μέγα ἐστὶ τὸ ἐρώτημα, ἀλλὰ καὶ πολὺ τούτου χαλεπώτερα ἂν ἀποκρίνασθαι ἐγὼ σε διδάξαιμι.

¹²³ Этот софизм основывается на двузначности всех трех слов, заключающихся в вопросе, т. е. σοφοί, ἀμαθεῖς и μανθάνειν. Под словом σοφοί сперва понимаются люди, преданные мудрости и добродетели, а потом те, у которых есть способность учиться. Равным образом ἀμαθεῖς сперва только незнающие, а потом глупые, или невежды. То же и μανθάνειν – сперва означает учиться, а потом знать. Впрочем на двузначность последнего слова далее указывает и сам Сократ. См. Arist. de Sophist, elench. c. 4. § 3. p. 526. ed. Bipont. Сравн. Ethic. Nic. I. 10.

– А называешь ли ты кого-нибудь учителями, – спросил Эвтидем, – или не называешь?

– Называю.

– Но учителя не суть ли учителя тех, которые учатся, как, например, цитрист и грамматист были твоими и других детей учителями, а вы – их учениками?

Согласился.

– А участь чему-нибудь, вы, конечно, прежде не знали того, чему учились?

– Не знали, – сказал он.

– И, однако ж, не зная того, были умны?

– Не так-то, – отвечал он.

– А если не умны, то невежды?

– Правда.

– Итак, участь тому, чего не знали, вы учились невеждами?

Мальчик согласился.

– Значит, умные учатся невеждами, а не умными, как ты думал, Клиниас.

Лишь только он сказал это, как все последователи Дионисиодора и Эвтидема дружно, будто хор по знаку капельмейстера¹²⁴, зарукоплексали и подняли смех. Потом, прежде чем

¹²⁴ Замечательно, что между последователями софистов рукоплексания были в большом употреблении. Рукоплексаниями они сопровождали каждую остроумную выходку своих учителей. Доказательства встречаются во многих разговорах Платона. Говоря о таких знаках одобрения, Платон, кажется, имел мысль показать, что они недостойны философской школы и могут быть терпимы только в театрах и обществах декламаторов.

ребенок успел порядочно вздохнуть, Дионисиодор обратился к нему и сказал:

– А что, Клиниас? Как скоро грамматист говорит что-нибудь, которые дети понимают слова его: умные или невежды?

– Умные, – отвечал Клиниас.

– Следовательно, учатся умные, а не невежды, и ты неправильно сейчас отвечал Эвтидему.

После этого-то почитатели софистов, сорадуясь их мудрости, уже слишком много смеялись и шумели, а мы, как оглушенные, молчали. Заметив наше смущение, Эвтидем, чтобы еще более удивить нас, не давал ребенку отдыха, продолжал спрашивать и, как хороший орхист, предлагал ему об одном и том же предмете¹²⁵ сугубые вопросы.

– А что, Клиниас, – сказал он, – учащиеся тому ли учатся, что знают, или тому, чего не знают?

В ту же минуту Дионисиодор опять прошептал мне:

– Сократ! Ведь и это такая же штука, как прежняя.

– О Зевс! – отвечал я. – Да и первый-то вопрос делает вам много чести.

– У нас все равно неизбежны, – сказал он.

¹²⁵ Сила сравнения Эвтидема с орхистами состоит здесь, без сомнения, в следующем: как хорошие орхисты во время пляски повторяют те же самые движения и, для разнообразия, только слегка изменяют их, так и Эвтидем в разговоре делает Клиниасу те же самые вопросы и едва-едва разнообразит их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.